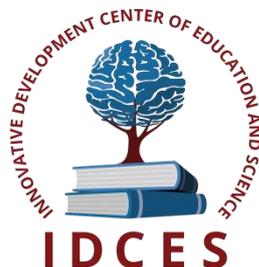

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Актуальные проблемы юриспруденции
в России и за рубежом**

Выпуск V

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 февраля 2018 г.)**

г. Новосибирск

2018 г.

**Издатель Инновационный центр развития образования и науки
(ИЦРОН), г. Нижний Новгород**

Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом. / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 5. г. **Новосибирск.** – НН: ИЦРОН, 2018. - 69 с.

Редакционная коллегия:

гранд доктор философии, академик, профессор, член-корреспондент, заслуженный деятель науки и образования РАЕ Апсалямов Рашит Галемзянович (г.Миасс), доктор исторических наук Быкова Анастасия Геннадьевна (г. Омск), доктор юридических наук, профессор Васильев Федор Петрович (г.Москва), кандидат юридических наук Голубева Лада Анатольевна (г. Гатчина), кандидат юридических наук Грузинская Екатерина Игоревна (г. Новороссийск), кандидат юридических наук, доцент Закиров Радик Юрьевич (г. Казань), кандидат юридических наук Киракосян Сусана Арсеновна (г. Новороссийск), доктор юридических наук, профессор Кириченко Александр Анатольевич (Украина, г. Николаев), доктор юридических наук, профессор Комарова Валентина Викторовна (г.Москва), кандидат юридических наук, доцент (судья в отставке) Корниенко Валерий Тарасович (г.Волгодонск), кандидат юридических наук, доцент Краснова Кристина Александровна (г. Москва), кандидат исторических наук, доцент Кружалова Людмила Валерьевна (г.Санкт-Петербург), кандидат юридических наук Кудинов Владимир Владимирович (г.Курган), кандидат политических наук, доцент Лебедева Маргарита Леонидовна (г. Москва), кандидат юридических наук Павлова Арзулана Акрамовна (г. Якутск), кандидат юридических наук, доцент Потапов Михаил Григорьевич (г. Новосибирск), кандидат юридических наук, доцент Решняк Мария Генриховна (г.Москва), кандидат юридических наук Сирик Марина Сергеевна (г.Тихорецк), доктор исторических наук, член-корреспондент РАЕ Сопов Александр Валентинович (г.Майкоп), кандидат юридических наук, доцент Трунина Екатерина Владимировна (г. Саранск), кандидат юридических наук, доцент Усманова Елена Фанильевна (г. Саранск), кандидат юридических наук, доцент Шикула Ильмира Рифкатьевна (г.Москва), кандидат исторических наук Юрова Ксения Игоревна (г.Сочи).

В сборнике научных трудов по итогам V Международной научно-практической конференции «**Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом**», г. **Новосибирск** представлены научные статьи, тезисы, сообщения студентов, аспирантов, соискателей учёных степеней, научных сотрудников, докторантов, практикующих юристов Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Статьи, принятые к публикации, размещаются в полнотекстовом формате на сайте eLIBRARY.RU.

Оглавление

СЕКЦИЯ №1.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;

ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ.....6

ИЗ ОПЫТА ФИЛОСОФИИ ПРАВА: НЕОКАНТИАНСТВО И СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА
НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. (П.И. НОВГОРОДЦЕВ И Л. ДЮГИ)

Фролова Е.А.6

СЕКЦИЯ №2.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО8

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ
INTERACTION OF BODIES OF STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT
IN THE SPHERE OF ECONOMY

Вердиева Джамиля /Verdiyeva Jamila/, Мирзаев М.А. /Mirzayev M.A./8

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН
В ПРАКТИКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ
МИГРАНТОВ В РОССИИ

Павловский А.С.11

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА КОРЕННЫХ
НАРОДОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА
РОССИИ

Павловский В.С.14

О НЕКОТОРЫХ КРИТЕРИЯХ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ

/ON SOME CRITERIA OF EFFICIENCY OF LOCAL SELF-GOVERNMENT/

Примакова М.А.17

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
С ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

/FOREIGN EXPERIENCE OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS WITH LOCAL
AUTHORITIES/

Салихова Сабина /Salikhova Sabina/, Мирзаев М.А./Mirzayev M.A./20

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО;

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО23

ИНСТИТУТ АВТОРСКОГО ПРАВА В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

Гребенник Л.А.23

INSTITUTE OF COPYRIGHT IN RUSSIA: HISTORICAL ANGLE

Grebennik L.A.24

К ВОПРОСУ О ДЕЙСТВИИ ДОГОВОРА ЛИЗИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Липич Д.В.32

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ПОНИМАНИЕ КАЗНЫ

Романова К.И.34

СЕКЦИЯ №4.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ.....36

СЕКЦИЯ №5.

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО;.....36

СЕКЦИЯ №6.	
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ;	
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	36
К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ	
Безуглый С.Н.....	36
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭВТАНАЗИИ	
Блинова Ю.А.....	40
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ: ИДЕОЛОГИЯ ИЛИ ДЕЙСТВИЕ?	
Гришин М.О., Лебедева М.Л.....	42
ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ	
Овеян А.А.....	44
ОСОБЕННОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ НАКАЗАНИЯ С ПОМЕЩЕНИЕМ В СПЕЦИАЛЬНОЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ЗАКРЫТОГО ТИПА	
Ратинский А.В.....	45
ПОНЯТИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА	
Сурин М.П.....	47
СЕКЦИЯ №7.	
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА;	
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	50
У ИСТОКОВ ПРОГРАММЫ ЗАЩИТЫ СВИДЕТЕЛЕЙ: США И РОССИЯ	
Акберова Р.В.....	51
БЕЗОПАСНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ УГРОЗА?	
Ертаханов П.П.....	53
МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ПРЕОДОЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ ОШИБОК	
Поташов Н.А.....	55
ПРАВА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	
Токарева О. Ю.....	58
СЕКЦИЯ №8.	
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО	59
СЕКЦИЯ №9.	
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	60
СЕКЦИЯ №10.	
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО	60
УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСОВЫМИ РИСКАМИ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	
Гумерова Л.Ш., Газиева М.З.....	60
СЕКЦИЯ №11.	
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС	65

ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВИЛА ЭСТОППЕЛЬ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ	
Скрябина М.В.	65
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2018 ГОД	67

**СЕКЦИЯ №1.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

**ИЗ ОПЫТА ФИЛОСОФИИ ПРАВА: НЕОКАНТИАНСТВО И СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА
НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. (П.И. НОВГОРОДЦЕВ И Л. ДЮГИ)**

Фролова Е.А.

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

В конце XIX-начале XX века одной из главных проблем юриспруденции явилось построение социального государства. Разделяя идеи правового и социального государства, сторонники неокантианской философии выступили против ряда социологических доктрин, притязавших на аналогичные идеалы. Многие теоретики конца XIX – начала XX века утверждали, что в основе правового государства лежит идея социального мира и солидарности всех групп, классов, союзов, а практическое воплощение этой задачи реализуется в зависимости от конкретных условий. К понятию «солидарность» обращались многие мыслители конца XIX - начала XX вв., в том числе, известный историк, социолог и юрист, Максим Максимович Ковалевский. Для распространения в начале XX в. в России идеей солидарности большое значение имели труды французского юриста Леона Дюги, многие из которых были переведены на русский язык и издавались неоднократно.

Идея общественной солидарности имела разные аспекты. С одной стороны, она увязывалась с проектами социальных, политических и иных реформ, направленных на улучшение положения наемных рабочих и других общественных слоев, страдавших от эгоизма буржуазного общества. В этом плане идея «солидарности» по тенденции во многом предвосхищала концепцию социального государства. С другой стороны, «реформистская» направленность солидарности отчетливо противопоставлялась идеям классовой борьбы, что особенно четко было выражено в работах Л. Дюги, призывавшего к «классовому миру», к отказу «от господства как пролетарского класса, так и буржуазного» [3, с.22].

Отечественные представители критической философии сочувственно относились к идеям солидаризма на доктринальном уровне (концепция противостояла марксизму), во многом разделяли практическую деятельность социал-реформистских движений начала XX века. Отзвуки революции 1905-1907 гг. заметны во многих их трудах, как и полемика с программами и лозунгами революционных партий России, отвергавших путь нравственного прогресса и возможность либеральных реформ. Вместе с тем, в некоторых работах представителей русского неокантианства идея солидарности приобретает другое значение по сравнению с подходами французских и русских социологов. Если социолог Эмиль Дюркгейм основой солидарности считал разделение труда между «профессиональными группами» в процессе производства, государствовед Л. Дюги, конкретизируя понятие «профессиональных групп», прямо писал о «социальных функциях» и, соответственно, солидарности капиталистов-предпринимателей и наемных рабочих, то представители неокантианской философии стремились возвысить социально-правовой идеал над современными проблемами, вообще освободиться от классового подхода к обществу, государству, праву, настойчиво доказывая при этом, что цель государства и правовых основ имеет общечеловеческий характер. Основой государства и права, с их точки зрения, является не норма солидарности классов (Дюги), а идеальная общенародная, сверхклассовая цель, состоящая в признании, как основы своего бытия, естественных прав лиц, права свободы [1, с.212-221; 6 с.365-366].

Эта позиция, созвучная духу философии Канта, соединенная с гегелевской идеей свободы, давала возможность соединить понятие «солидарности» индивидов с понятием прав и свобод личности в категории общественного идеала и соответствующего ему «естественного права». Всему духу критической методологии претили встречавшиеся в произведениях представителей социологии суждения, подобные рассуждению Дюги: «Мы обладаем весьма ясным сознанием того, что индивид – не цель, а только средство, что индивид есть не более как колесо той огромной машины, какой является социальный организм, что смысл существования каждого из нас заключается только в выполнении известной работы в деле социального строительства» [4, с.52]. Для представителей неокантианства было очевидно, что при таком подходе уничтожается гуманистический смысл философии права. В то же время, в отечественном правоведении не было внятных объяснений, как конкретно можно добиваться «солидарности» индивидов,

разобренных по классам и социальным группам в реальной действительности. Л. Дюги, до него О. Конт, Г. Спенсер, достижение солидарности классов и индивидов видели в нарастающем процессе взаимных уступок предпринимателей и наемных рабочих, в достижении компромиссов в результате решения повседневных конфликтов, в какой-то мере – в реформаторской деятельности государства. Отечественные правоведы-неокантианцы признавали и этот путь, однако, стремясь уйти от проблемы классовых конфликтов, большее значение придавали нравственному воспитанию, совершенствованию личности. Как ни парадоксально, но, в конечном счете, к тому же средству обратилось и большинство социологов. Основатель социологии О. Конт был, как известно, сторонником и создателем «позитивистской религии». Э. Дюркгейм предлагал дополнить Декларацию прав «Декларацией обязанностей», моральных, по существу.

П.И. Новгородцев, С.И. Гессен и ряд других государствоведов придавали большое значение синдикалистской идее. В то же время Новгородцева тревожила возможность превращения профессионального федерализма «в партикуляризм частных стремлений, в преобладание частных интересов над общечеловеческими правами» [6, с.464]. Новгородцев предсказывал, что через столетие профсоюзы подчинят общий интерес своему частному интересу и тогда совершится новая революция, чтобы низвергнуть синдикализм так же, как были низвергнуты феодализм, теократия, корпорация и монархия.

Представляется, что идея «солидарности», основанная на сотрудничестве классов, объединенных в профсоюзы, потому и не была до конца воспринята неокантианской философией права, что ее требования направлены только лишь на решение ближайших задач своего времени. Идея «классовой солидарности», бывшая серьезным идеологическим ориентиром ряда теоретиков-государствоведов начала XX века, в неокантианских теориях фактически превращается в идею «общечеловеческого братства», по существу заключающую романтическую триаду эпохи Просвещения: «свобода, равенство и братство». Эта идея заслуживает упрека в «морализаторстве», однако трудно не заметить, что в основе данных рассуждений лежали вполне реальные наблюдения и опасения: не свойственны ли каждому институту стремление к бюрократизации, ведомственному эгоизму, косности и застою? И сословный, и цеховой строй в период их возникновения и становления выражали жизненные потребности общества (разделение труда, совершенствование ремесла и торговли и т.п.), затем же, закоснев и воздав себе привилегии, те же структуры стали существенным тормозом общественного развития, вызвавшим ряд революционных взрывов; беспокойство вызывало именно то, что человечество еще не выработало достаточно динамичной и гибкой системы учета интересов различных и отдельных социальных групп и классов, защищенной об этой опасности.

На теоретическом уровне различие философии неокантианства и социологических концепций в области права и государства проявилось в различном понимании и отношении к личности; применительно к рубежу XIX-XX вв. доктрины социологов оказались более гибкими, реально применимыми в условиях становления гражданского общества и потому более востребованными. В то же время, и неокантианцы, провозглашая ценность личности в качестве абсолютного идеала, в той или иной степени признавали необходимость дополнения идеальных требований относительным идеалом, который поставил бы личность в конкретные исторические условия социального и правового государства начала XX века.

В целом можно сделать вывод, что тема социального и правового государства, вызвав полемические споры в научной среде, все же послужила сближению неокантианской и социологической правовой мысли. Признав идеологию социал-реформизма практически необходимой, неокантианцы вынуждены были принять и социологическую идеологию. Однако, несмотря на то, что представители критической философии, решая вопросы соотношения личности, общества, права, государства, уже по сути становились социологами, на методологическом уровне различия между неокантианской философией права и социологией права сохранялись.

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб, 1999.
2. Дюги Леон. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908.
3. Дюги Леон. Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона. М., 1919.
4. Дюги Леон. Право социальное, индивидуальное право и преобразование государства. М., 1909.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
6. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.

СЕКЦИЯ №2.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

INTERACTION OF BODIES OF STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE SPHERE OF ECONOMY

Вердиева Джамиля /Verdiyeva Jamila/, Мирзаев М.А. /Mirzayev M.A./

(**Вердиева Джамиля**, студентка юридического института ДГУ Республика Дагестан /**Verdiyeva Jamila**, student Law Institute Universität Republik Dagestan; **Мирзаев М.А.**, доцент кафедры теории государства и права ДГУ /**Mirzayev M.A.**, associate professor of the theory of the state and right of DGU/)

Аннотация: в данной публикации рассматриваются вопросы финансирования деятельности органов местного самоуправления. Отражены проблемные вопросы недофинансирования, нерешённости совершенной формы финансовой основы института местного самоуправления.

Ключевые слова: финансовая самодостаточность территорий, автономии муниципальных органов власти - местный бюджет, бюджетный кодекс, недофинансирование, налоговые доходы,

Удовлетворение потребностей населения находится в прямой зависимости от финансовой самодостаточности территорий. Отсутствие самофинансирования является серьезным препятствием для развития самоуправленческих начал, так как ставит местную власть в экономическую зависимость от государства. Основой финансовой автономии муниципальных органов власти является местный бюджет. Местные бюджеты широко используются для воздействия на экономику, для регулирования хозяйственных процессов, для развития культуры, образования, сглаживания социальных конфликтов, трудоустройства населения и решения иных проблем, встающих перед местной администрацией[7]. В главе 9 Бюджетного кодекса РФ закреплены способы формирования доходов местных бюджетов. Конечно, такой порядок в определенной мере нарушает принцип самостоятельности местного самоуправления. Недофинансирование приводит к высокой степени зависимости от региона. Тем более, что местные налоги составляют меньшую часть расходов бюджета. Так, для сельских поселений это всего лишь 8-10 %. Дотации городским округам могут составлять до половины бюджета, муниципальным районам – еще больше[3].

Источниками доходов местных бюджетов являются как собственные доходы, так и доходы за отчисления от федеральных и региональных налогов, и сборов. Такая же норма содержится в ст. 6 Закона о финансовых основах местного самоуправления «доходная часть местных бюджетов состоит из собственных доходов и поступлений от регулирующих доходов, она также может включать финансовую помощь в различных формах (дотации, субвенции, средства фонда финансовой поддержки муниципальных образований), средства по взаимным расчетам».⁶⁸

В пункте 2 статье 56 Бюджетного Кодекса указано, что в бюджеты субъектов Российской Федерации подлежат зачислению налоговые доходы от следующих федеральных налогов и сборов, в том числе предусмотренных специальными налоговыми режимами налогов:

- налог на прибыль организаций по ставке, установленной для зачисления указанного налога в бюджеты субъектов Российской Федерации, по нормативу 100 процентов;
- налог на прибыль организаций при выполнении соглашений о разделе продукции, заключенных до вступления в силу Федерального закона "О соглашениях, о разделе продукции" и не предусматривающих специальных налоговых ставок для зачисления указанного налога в федеральный бюджет и бюджеты субъектов Российской Федерации, - по нормативу 75 процентов;
- налог на доходы физических лиц - по нормативу 85 процентов;
- налог на доходы физических лиц, уплачиваемого иностранными гражданами в виде фиксированного авансового платежа при осуществлении ими на территории Российской Федерации трудовой деятельности на основании патента, - по нормативу 100 процентов. Получается, что в региональный бюджет выделяется 15% - в местные, в городские округа идут все налоги, в городские поселения – 5%, в муниципальные районы 13%, в сельские поселения – 2%.

Проблемы возникают и при перераспределении налогов и сборов между уровнями бюджетной системы. Они связаны с тем, что эти вопросы решаются на уровне субъекта. И большая часть собираемых региональных и распределенных в регионы федеральных налогов остается в регионе.

Западноевропейские страны развивались по пути укрупнения территориальных образований, в России же в различных субъектах федерации достаточно много малочисленных поселений, решение местных задач в которых в условиях недофинансирования чрезвычайно затруднено[3].

Андреева Н.А. отмечает, что «в сущности, проблемы взаимодействия являются проблемами взаимосвязывания процессов, которые происходят в муниципальном образовании, с процессами, которые происходят в регионе».70

Андреева Н.А., предлагает следующие решения в целях повышения эффективности взаимодействия данных структур: «первое это разработка комплексной программы социально-экономического развития муниципального района, которая должна быть основана на действующих федеральных целевых программах. Программа должна быть увязана по срокам, в ней должны быть определены ресурсы, которые необходимо привлечь муниципальному району для этого из всех источников финансирования (муниципальный, региональный и федеральный бюджеты)». «Второе - это правовая регламентация делегированных государственных полномочий, фактически осуществляемых органами местного самоуправления»[5].

«Третье, пишет Н.А. Андреева, - это решение вопросов кадрового обеспечения и оплаты труда муниципальных служащих, осуществляющих исполнение государственных полномочий. Возможными способами организации более эффективного взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти являются: представительство муниципального района в законодательном собрании края; договорные способы взаимодействия между органами местного самоуправления и органами государственной власти региона; создание совместных государственно-муниципальных организаций, которые будут осуществлять общую координацию задач и функций; совместное ведение органов государственной власти и органов местного самоуправления, которое также способно обеспечить взаимодействие»[6].

При определении границ муниципального образования необходимо учитывать ряд факторов. Среди главных - объем ресурсов, который позволит обеспечить необходимый уровень самостоятельности муниципальной власти. С другой стороны, нельзя игнорировать мнение населения, от чего как раз стремятся уйти региональные власти, действуя по принципу сильного.

Сегодня 131-ФЗ не позволяет этого сделать. Так, например, согласно ст. 13 «преобразование муниципальных образований осуществляется законами субъектов Российской Федерации по инициативе населения, органов местного самоуправления». Однако, уже обсуждается проект изменений, который не предполагает в ряде преобразований муниципальных преобразований учета мнения, проживающих в нем[2].

Отдельным важнейшим принципом взаимодействия государственной и муниципальной власти является их взаимная ответственность.

В частности, если муниципальное образование получает субсидию на определенный проект, то она выдается на время действия бюджетов: регионального и муниципального. Местная администрация должна отчитаться перед региональными органами. И только в случае утверждения отчета будет получена очередная субсидия[2].

Субвенции предоставляются на осуществление переданных полномочий, то есть полномочий, которые не закреплены за получателем субвенции. Органы местного самоуправления получают денежные средства не только от государства, они также формируют собственный доход. К собственным доходам местных бюджетов можно отнести местные налоги, а также сборы, и другие собственные доходы местных бюджетов, процентные доли федеральных налогов и доли от налогов субъектов РФ, утвержденные за местными бюджетами на постоянной основе. Все эти налоги и сборы отправляются налогоплательщиками в местные бюджеты (около 40% от общего дохода). К ним можно отнести: налоги на доходы физических лиц, единый налог на вмененный доход, налоги на имущество физических лиц, а также земельный налог и другие налоговые доходы.

Можно говорить о недофинансировании как явной проблеме. Перечисления части налогов из бюджетов верхних уровней недостаточны. Бюджетный кодекс не определяет конкретные проценты налоговых перечислений в местные бюджеты. Следует это определять на федеральном уровне внесением изменений в Бюджетный Кодекс. Кроме того, субъекты сами решают какие субсидии выделить.

А.В. Безруков считает, что «процедуры взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в процессе формирования доходной базы местных бюджетов также требуют

отдельного рассмотрения. Если в прежней “пирамидальной” системе советов бюджетный процесс был строго иерархичен, то сегодня бюджетные отношения постепенно переходят в другое качество. Следствием этого стало наличие в субъектах Российской Федерации наличие двух уровней бюджета - бюджета субъекта Российской Федерации и бюджетов не соподчиненных муниципальных образований[10,12]. В существовавшей системе бюджетные вопросы по отношению к самому нижнему уровню советов решались промежуточным уровнем районным, в формирующейся ныне доходные источники бюджета любого муниципального образования закрепляются законом субъекта РФ. В связи с этим возникают определенные трудности, связанные с большим объемом работы по формированию проектов бюджетных законов. Учитывая, что любое поселение или их достаточно произвольное объединение может стать муниципальным образованием, а, следовательно, субъектом бюджетного процесса, региональным органам государственной власти, возможно, придется иметь дело с сотнями местных бюджетов. Это вызывает неприятие со стороны тех органов, которые сегодня непосредственно участвуют в бюджетном процессе. Но бюджетная самостоятельность муниципальных образований объективно необходима и полезна». Бюджетный кодекс не определяет конкретные проценты налоговых перечислений в местные бюджеты. Считаем, что следует определять конкретно соотношение поступающих на уровень субъекта налогов и отчислений на муниципальный уровень федеральными законами или внесением изменений в Бюджетный Кодекс. Субъекты кроме того сами решают, какие субсидии выделить. Одной из актуальных программ является «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия за 2014 - 2020 год». Общий объем финансирования государственной программы составляет. Данные деньги будут направлены на увеличение объемов производства и переработки основных видов продукции растениеводства;

- повышение продуктивности и устойчивости сельскохозяйственного производства средствами комплексной мелиорации;

- увеличение объемов производства и переработки основных видов продукции животноводства; увеличение объема производства продукции сельского хозяйства в малых формах хозяйствования;

- осуществление технической и технологической модернизации и инновационного развития агропромышленного комплекса; увеличение объема производства рыбной продукции;

- увеличение объемов производства и товарности молока; реализация мероприятий государственной аграрной политики[11].

Поскольку местное самоуправление – это один из важнейших институтов гражданского общества, важным направлением реализации принципа самостоятельности в решении вопросов местного значения являются формирование политической активности граждан. Для этого необходимо вовлекать их в процесс принятия решений по вопросам обеспечения жизненно важных интересов муниципального образования.

Подводя итоги вышеизложенного, решить обозначенные проблемы возможно путем принятия федерального закона, регламентирующего принципы взаимодействия органов государственной власти субъектов РФ с органами МСУ. Повышение уровня политической культуры населения, формирование его политической активности в решении вопросов местного значения возможно посредством его вовлечения в процесс принятия решений по вопросам обеспечения жизненно важных интересов муниципального образования. Финансовой самостоятельности муниципального образования будет способствовать перевод в местные налоги налога на недвижимость и единого налога на вмененный доход для всех видов деятельности[8].

Взаимодействие, связанное с реализацией этих программ, общих для регионального и муниципального уровня осуществляется на основе софинансирования. То есть муниципалитет получает субсидии на их исполнение. Плюсом также является контроль за расходованием средств, переданных субъектом, за которые муниципалитет должен отчитаться или вернуть в ряде случаев. Минус в том, что на следующий год в бюджете могут предусмотреть скорректированную сумму, которая вообще может не позволить решить некоторые задачи, связанные с реализацией муниципалитетом той или иной программы, так как собственных средств, заложенных в местный бюджет может оказаться недостаточно[10].

Список литературы и источников

- 1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок).
- 2 Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985). - Собрание

- законодательства РФ, 07.09.1998, № 36, ст. 4466.
- 3 Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 года № 145-ФЗ (в ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства РФ. – 1998. - № 31. – Ст. 3823; Собрание законодательства РФ. – 2017. - № 14. – Ст. 2007.
 - 4 Налоговый кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 года № 146-ФЗ (в ред. 03.04.2017) // Собрание законодательства РФ.
 - 5 Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 года № 131-ФЗ (ред. от 03.04.2017) // Собрание законодательства РФ. – 2003. - № 40. – Ст. 3822; Российская газета. - № 71. – 05.04.2017.
 - 6 Андреева, Л.А. Законодательный процесс в представительных органах местного самоуправления / Л.А. Андреева // Аннотация. - 2014. – 21.
 - 7 Арутюнян, О.К., Арутюнян, Л.Р. Органы местного самоуправления и порядок их формирования. Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития / О.К. Арутюнян, Л.П. Арутюнян // Региональная экономика. - №4. - 2015. – 175.
 - 8 Бабичев, И.В., Сергеев А., Шугрина Е.С. Комментарий к Федеральному закону "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" / И.В. Бабичев, А. Сергеев, Е.С. Шугрина // Москва: Инфра. - 2015. – 789.
 - 9 Васильев, В.И. Местное самоуправление: Центр и регионы // В.И. Васильев // Журнал российского права. - 2015. - № 3. – 64.
 - 10 Безруков, А.В. Государственная власть и местное самоуправление: проблемы соотношения и взаимодействия / А.В. Безруков // Конституционное и муниципальное право. - 2014. - № 6. – 122.
 - 11 Грачева, Е.Ю. Комментарий к Бюджетному кодексу РФ. / Е. Ю Грачева // Москва: Проспект. – 2016. – 688.
 - 12 Безруков, А.В. Государственная власть и местное самоуправление: проблемы соотношения и взаимодействия / А.В. Безруков // Конституционное и муниципальное право. - 2014. - 34.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В ПРАКТИКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В РОССИИ

Павловский А.С.

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Российское государство всерьез обеспокоилось проблемой обеспечения социальной защищенности мигрантов относительно недавно. Выступая перед Федеральным Собранием 12 декабря 2012 г., Президент Российской Федерации впервые обратил внимание на важность реализации программ по правовой, социальной и культурной адаптации мигрантов [11]. Причём осуществление адаптации иностранных граждан предлагалось предоставить, в большей степени, некоммерческим организациям (по примеру некоторых зарубежных государств) [18]. В том же году Президентом Российской Федерации была утверждена Концепция государственной миграционной политики на период до 2025 г. (далее – Концепция), в которой признавалась значимость создания условий для адаптации и интеграции мигрантов, а также обеспечения их социальной защищенности. Государство провозгласило ориентацию на проведение мероприятий, способствующих переселению мигрантов на постоянное место жительства в Россию [7]. В этих условиях важнейшее значение приобретает деятельность центров социокультурной адаптации мигрантов, которые посредством обеспечения основных социальных прав иностранных граждан должны способствовать их полнокровному участию в жизни принимающего сообщества.

В соответствии с п. 28 Концепции задачу создания инфраструктуры для проживания трудовых мигрантов, а также центров их адаптации и интеграции предполагалось решить уже к 2015 г. К сожалению, приходится констатировать, что даже спустя три года после намеченного срока указанное положение Концепции выполнено не всеми субъектами Российской Федерации. По состоянию на сентябрь 2017 г.

только в 28 из них функционируют центры по оказанию адаптационных и интеграционных услуг иностранным гражданам.

Наиболее удачным примером создания такого рода организаций является функционирующая с 2013 г. в г. Чите Забайкальского края автономная некоммерческая организация (далее – АНО) «Центр социально-культурной адаптации мигрантов». Целевой группой центра являются, наряду с иностранными работниками, иностранные граждане, прибывшие на территорию Российской Федерации с другими целями: образовательная миграция, беженцы, соотечественники, участвующие в программе добровольного переселения в Россию [14]. Вместе с тем, целевая аудитория Центра обозначена расплывчато: речь идёт о резидентах (термин налогового законодательства), а также мигрантах и иммигрантах (не используются в законодательстве).

В форме АНО создан и функционирует «Центр по трудоустройству и адаптации мигрантов» в г. Казани, на базе которого оказывается помощь в поиске и найме жилья, подборе работы, а также формируются неформальные группы взаимопомощи [10]. Тюменский областной центр адаптации мигрантов [4] – ещё один пример НКО, оказывающей адаптационные и интеграционные услуги в форме АНО. Пермский «Центр социально-культурной адаптации трудовых мигрантов» также создан в форме АНО «Миграция» и объединяет пять коммерческих организаций различной целевой направленности: локальный центр тестирования иностранных граждан для получения сертификата на знание основ российского законодательства, истории и русского языка, медицинский центр, юридическую компанию, агентство переводов, и автошколу безопасного движения [1]. АНО «Центр социальной адаптации мигрантов» в г. Липецке занимается оказанием преимущественно юридических услуг иностранным гражданам [5].

Создание юридического лица в организационно-правовой форме АНО следует признать удачным, поскольку она допускает участие как частных учредителей, так и публично-правовых образований (Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования), что характерно не для всех организационно-правовых форм НКО [6].

В некоторых субъектах Федерации инфраструктура для адаптации и интеграции мигрантов начала оформляться ещё до обсуждения этой инициативы на федеральном уровне. Так, в Республике Карелия с 2007 г. на базе районных библиотек функционируют центры адаптации и интеграции иностранных граждан (Олонец, Сегежа, Беломорск, Петрозаводск, Питкяранта и др.), деятельность которых направлена на выработку рекомендаций мигрантам по адаптации к новым социальным условиям, культуре Карелии, обычаям, бытовой культуре общения. В республике подготовлены и изданы методические рекомендации для работников центров социально-культурной адаптации мигрантов, памятки для мигрантов и работодателей, информационно-справочный сборник «Живем и работаем в Карелии». На сегодняшний день в Карелии созданы 12 центров адаптации и интеграции иностранных граждан [2]. Ещё одним примером создания инфраструктуры для адаптации и интеграции является открытие «Центра социальной адаптации и интеграции мигрантов» в г. Красноярске. Существенным преимуществом центра является функционирование на его территории гостиницы, рассчитанной на проживание 400 гостей, а также наличие медицинского центра, в котором можно получить сертификат об отсутствии ВИЧ-инфекций. В центре имеется возможность для прохождения комплексного экзамена по русскому языку, истории России и основам законодательства. Функционирует также биржа вакансий, которая призвана помочь иностранным гражданам в поиске работы [3].

Наряду с созданием центров социально-культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в форме АНО, другим распространённым вариантом является их учреждение на базе крупных библиотек при поддержке высшего органа исполнительной власти субъекта Федерации. Так, в декабре 2014 г. на базе Владимирской областной научной библиотеки был открыт Центр социально-культурной адаптации мигрантов, который занимается информационной поддержкой иностранцев, языковой коммуникацией и просвещением [15]. Похожая ситуация сложилась в республике Бурятия: в Улан-Удэ распоряжением городской администрации создан на базе Центральной городской библиотеки им. И. Калашникова создан Центр социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов (проводит информационные ярмарки для мигрантов, недели толерантности и др.) [16]. В Ульяновской области на базе «Центра толерантности» проводятся курсы адаптации для мигрантов, включающие уроки русского языка и духовности, а также психологические тренинги [8].

Также следует выделить оказание адаптационных и интеграционных услуг в рамках частных инициатив, получивших грантовую поддержку Президента России. Так, на базе Читинского института Байкальского государственного университета действует лаборатория «Центр социально-культурной

адаптации мигрантов», образованный по проекту М.С. Кошелева «Социально-культурная адаптации и интеграция мигрантов в условиях Забайкальского края», который прошёл отборочный этап по линии оператора ООФ «Национальный благотворительный фонд [13]. Аналогичная ситуация сложилась в Нижнем Новгороде, где адаптационные мероприятия проводятся за счёт средств государственной поддержки на проект «Защита социально-экономических прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, а также лиц без гражданства, беженцев и вынужденных переселенцев, в том числе вынужденно покинувших территорию Украины, при адаптации и интеграции в местное сообщество [9]. В Ростове-на-Дону программу адаптации и интеграции иностранных граждан реализует негосударственное образовательное учреждение дополнительного образования «Мир без границ», также получившее финансирование в виде грантовой поддержки [12].

Таким образом, имеющийся опыт создания центров по адаптации и интеграции иностранных граждан показал, что первый этап реализации Концепции государственной миграционной политики по-прежнему не завершён. Учредители центров адаптации и интеграции иностранных граждан, используют, как правило, форму АНО, средства грантовой поддержки или открывают адаптационные курсы на базах библиотек. При этом наиболее широкий перечень адаптационных и интеграционных услуг предоставляют НКО, созданные в форме АНО. Весьма существенным недостатком в деятельности центров социально-культурной адаптации и интеграции является отсутствие у подавляющего большинства из них Интернет-сайтов, предлагающих потенциальным клиентам доступную информацию об оказываемых услугах и месте нахождения организации. Представляется, что необходимо создать единый Интернет-ресурс на сайте ФАДН, позволяющий осуществлять поиск функционирующих на территории субъектов Федерации центров по адаптации и интеграции иностранных граждан. Подобная система поиска хорошо зарекомендовала себя, например, в Австралии, где на сайте Департамента социальных услуг (Department of Social Services) Правительства Австралии размещён локатор, позволяющий получить полный список организаций, оказывающих услуги в рамках Программы комплексной поддержки иностранных граждан (Complex Case Support – CCS) в каждом штате или территории [17]. Представляется необходимым привлечение к процессу адаптации и интеграции волонтеров, а стаж волонтерской деятельности учитывать при приёме на работу для создания дополнительного стимула к участию в процессе обустройства иностранных граждан на новом месте. Кроме того, деятельность подавляющего большинства центров адаптации мигрантов пока что развита слабо: иностранным гражданам не предоставляется помощь в поиске жилья, устройстве детей в образовательные учреждения и т.д. Вместе с тем, только наиболее полное осуществление социальных прав иностранных граждан способно привести к построению ими крепких экономических и социальных связей в принимающем сообществе, что и составляет содержание понятий адаптации и интеграции.

Список литературы

1. АНО «Миграция» // URL: <http://migrantperm.ru/ntcn/> (дата обращения: 06.01.2018).
2. В этнокультурном центре «Калевалатало» откроется отделение для мигрантов // URL: http://www.karel.aif.ru/society/v_etnokulturnom_centre_kalevalatalo_otkroetsya_otdelenie_dlya_migranto_v (дата обращения: 04.01.2018).
3. В Красноярске открылся первый в Сибири Центр социальной адаптации мигрантов // URL: <http://newslab.ru/news/700237> (дата обращения: 06.06.2018).
4. В Тюменской области на межнациональные отношения выделено 61,7 млн рублей // URL: <http://www.vsluh.ru/news/society/304342> (дата обращения: 05.01.2018).
5. В Липецке работает «Центр социальной адаптации мигрантов» (сюжет) // URL: <http://most.tv/news/75317.html> (дата обращения: 06.01.2018).
6. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. – М., 2012. С. 344.
7. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Президентом Российской Федерации 13 июня 2012 г.) // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения: 06. 01.2018).
8. Курсы адаптации мигрантов на базе «Центра толерантности» // URL: http://uonb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2670%3Anews&catid=131%3Aactions&Itemid=99 (дата обращения: 17.12.2017).

9. Межрегиональная благотворительная общественная организация «Приволжский миграционный центр» // URL: <http://migrant-nnov.ru/seminars.html> (дата обращения: 18.12.2018).
10. Некоммерческие организации / Автономная некоммерческая организация «Центр по трудоустройству и адаптации мигрантов» // URL: <http://nko.economy.gov.ru/Organization/Details/16227> (дата обращения: 05.01.2018).
11. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. // Российская газета. 2012. № 287.
12. Программа «Социальная адаптация и интеграция мигрантов в г. Ростове-на-Дону» // <http://noumbg.ru/programm/programma-socialnaya-adaptaciya-i-integraciya-migrantov-v-g-rostove-na-donu> (дата обращения: 15.12.2018).
13. Проект заместителя декана ЮФ выиграл президентский грант в 1 млн рублей // URL: <http://chita.bezformata.ru/listnews/proekt-zamestitya-dekana-yuf-viigral/37590121> (дата обращения: 04.01.2018).
14. Социально-культурная адаптация мигрантов в социальное пространство Забайкальского края // URL: <http://premiagi.ru/initiative/1422> (дата обращения: 05.01.2018).
15. Центр социально-культурной адаптации мигрантов: первый год работы // URL: <http://www.mngz.ru/russia-world-sensation/1625442-centr-socialno-kulturnoy-adaptacii-migrantov-pervyy-god-raboty.html> (дата обращения: 29.12.2018).
16. Центр социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов // URL: <http://ulan-udeg.ru/industry/soc-sphera/94357/> (дата обращения: 30.12.2018).
17. Humanitarian Settlement Services Locator // URL: <http://www.dss.gov.au/our-responsibilities/settlement-and-multicultural-affairs/programs-policy/settlement-services/settlement-services-locator> (дата обращения: 27.12.2018).
18. John Shields, Julie Drolet, Karla Valenzuela. Immigrant Settlement and Integration Services and the Role of Non-profit Providers: A Cross-national Respective on Trends, Issues and Evidence. RCIS Working Paper № 2016/1 (February), 5).

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА КОРЕННЫХ НАРОДОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА РОССИИ

Павловский В.С.

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Развитие арктического региона имеет для нашей страны стратегическое значение в научном, ресурсном, транспортном и военном аспектах. Кроме того, российская Арктика является жизненной средой для коренных народов Севера, чья культура составляет неотъемлемую часть богатейшей культуры нашей страны. В суровых климатических условиях эти народы создали среду обитания человека, которая отличается уникальной духовной и материальной традицией, экологическим и гуманистическим характером взаимодействия человека с окружающей природой [10, с. 262]. Однако экстремальные условия жизни в Арктике, активная ресурсная разработка этого региона, а также глобальные процессы унификации и стандартизации жизни угрожают самому существованию древней культуры коренных народов, проживающих в Арктическом регионе, их образу жизни и промысловой активности.

Согласно ст. 69 Конституции РФ [1] наша страна гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ. Международное право выработало ряд актов (имеющих как императивный характер, так и рекомендательное значение) в области защиты прав коренных народов.

Нормы, определяющие права коренных народов, нашли выражение в Международной конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. [3] (ратифицирована Россией), Конвенции № 169 МОТ «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» 1989 г. [4] (Россия не участвует), а также Декларацией о правах коренных народов, принятой ГА ООН в 2007 г. [2]

Сотрудничество арктических государств породило практику заключения ими региональных договоров, в которых, помимо прочего, конкретизируется статус коренных народов Севера. Заключение

арктическими государствами договором преследует, как правило, цель установления для коренных народов Арктики отдельных изъятий из общих правил охоты и рыбных промыслов. Преференциальные права коренных народов в этом случае объясняются традиционной зависимостью указанных групп от отдельных видов возобновляемых природных ресурсов, которые выступают объектом сохранения и рационального использования [14, с. 221].

Защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей отнесена Конституцией РФ к предметам совместного ведения РФ и её субъектов (п. «м» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). Это означает, что в указанной сфере органы государственной власти РФ и субъектов РФ реализуют собственные полномочия, что способствует более полному учёту специфики жизни данных народов органами государственной власти субъектов РФ, но одновременно актуализирует проблему разграничения полномочий.

На сегодняшний день Минэкономразвития РФ подготовлен проект Федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» [9], которым разграничиваются полномочия органов публичной власти различных уровней (федеральных, региональных и местных) по защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных народов Арктики. Законопроект определяет механизмы, позволяющие включить хозяйственный и культурный потенциал коренных народов Севера в процесс устойчивого развития российской Арктики. При этом учитывается, что представители коренных народов традиционно обеспечивают территорию Арктической зоны России продукцией сельского хозяйства, рыболовства и охоты, а навыки народов Севера в области охраны окружающей среды имеют непреходящую ценность и представляют интерес для развития образования, туризма и осуществления природоохранных мероприятий [13, с. 62]. Представляется, что в проекте Федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» должны также найти выражение особенности оказания коренным народам медицинской помощи (поскольку это один из важнейших вопросов правового регулирования в Арктике [15, с. 17]) и получения ими качественного образования. Следует учитывать, что обеспечение прав коренных народов в ряде случаев может затрудняться их кочевым образом жизни [11, с. 102]. Это требует от государства применения особых подходов при организации медицинской помощи, социального обеспечения и образования в Арктической зоне.

Указом Президента РФ от 02 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» [5] определено, что к Арктической зоне России относится территория следующих субъектов РФ: Мурманской области, Ненецкого автономного округа, Чукотского автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа, а также территории ряда муниципальных образований в Республике Карелия, Республике Коми, Республике Саха (Якутия), Красноярском крае и Архангельской области.

Арктическими субъектами РФ накоплен значительный опыт поддержки коренных народов [12]. Урегулированы вопросы:

1. Языковой политики в отношении коренных народов (Закон Красноярского края от 5 ноября 2015 г. № 9-3816 «О родных (национальных) языках коренных малочисленных народов, проживающих на территории Красноярского края» [7]).

2. Культуры и фольклора коренных малочисленных народов (Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 3 декабря 2007 г. № 110-ЗАО «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» [8]).

3. Традиционных видов промыслов и животноводства (Закон Ненецкого автономного округа от 6 декабря 2016 г. № 275-ОЗ «Об оленеводстве в Ненецком автономном округе» [6]).

Перечисленные законы субъектов РФ дополнительно конкретизируют полномочия государственных органов субъектов РФ в сфере защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей.

В то же время не во всех арктических субъектах РФ целенаправленно обеспечивается защита прав коренных народов. Специальное законодательство, направленное на защиту указанных этнических общностей, практически отсутствует в Чукотском автономном округе, Республике Коми и Архангельской области. Среди причин такой ситуации – недостаточность финансовой самостоятельности субъектов Федерации, что не позволяет им уделять должное внимание нуждам коренных народов, а также отсутствие политической воли руководителя субъекта Федерации по решению указанных проблем, которое в сочетании с нечёткостью в определении полномочий субъекта РФ позволяет проводить такую пассивную политику [14, с. 260].

Таким образом, в процессе развития российской Арктики следует учитывать, что её территория является не только богатым источником природных ресурсов, но и местом проживания коренных народов Севера, древняя культура, промысловая активность и уникальный образ жизни которых нуждаются во всесторонней поддержке как федеральных, так и региональных властей. Общее совершенствование регионального законодательства о защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных народов является задачей, актуальность которой безусловна: именно на уровне субъектов РФ возможно учесть все особенности развития коренных народов Севера. Однако пока не все арктические субъекты РФ обеспечивают защиту прав коренных северян. В последовательном разрешении нуждается проблема разграничения полномочий по защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных народов между органами публичной власти различных уровней. Развитие коренных народов, проживающих в Арктической зоне, в XXI в. трудно представить без изменения парадигмы взаимоотношений между государством и этими народами: необходим отказ от государственного патернализма и переход к повышению ответственности самих народов за собственное развитие.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Декларацией ООН о правах коренных народов 2007 г. // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 15 ноября 2017 г.).
3. Международная конвенция о биологическом разнообразии 1992 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 19. Ст. 2254.
4. Конвенция № 169 МОТ «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» 1989 г // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда, 1957-1990. Женева, 1991. Т. II. С. 2193-2207.
5. Указ Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18. Ст. 2136 (ч. I).
6. Закон Ненецкого автономного округа от 6 декабря 2016 г. № 275-ОЗ «Об оленеводстве в Ненецком автономном округе» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15 ноября 2017 г.).
7. Закон Красноярского края от 5 ноября 2015 г. № 9-3816 «О родных (национальных) языках коренных малочисленных народов, проживающих на территории Красноярского края» // Наш Красноярский край. 2015. № 88 (776).
8. Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 3 декабря 2007 г. № 110-ЗАО «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» // Красный Север. 2007. Спецвыпуск № 109-110.
9. Проект Федерального закона «О развитии Арктической зоны Российской Федерации» (подготовлен Минэкономразвития России) // СПС КонсультантПлюс.
10. Арктика: современные проблемы развития региона: колл. монография / под общ. ред. Г.А. Дзида. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2014. – 340 с.
11. Васильева Л.Н. Законодательное регулирование использования языков в Российской Федерации. М.: ЗАО Юстицинформ, 2005. С. – 128 с.
12. Гоголев П.В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнёрства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: Дис. ... д.ю.н. М., 2014. – 434 с.
13. Куликовская Л.Ю. Правовые основы обеспечения национальной безопасности Арктической зоны Российской Федерации // Административное право и процесс. 2017. № 7. С. 61-64.
14. Российская Арктика – территория права: альманах / Т.Я. Хабриева, Д.Н. Кобылкин, В.П. Емельянцева и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Салехард: администрация Ямало-Ненецкого автономного округа; ИД «Юриспруденция», 2014. – 280 с.

15. Чернов С.Н., Куликовская Л.Ю. Проблемы народосохранения в Арктической зоне Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 1. С. 15-20.

О НЕКОТОРЫХ КРИТЕРИЯХ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

/ON SOME CRITERIA OF EFFICIENCY OF LOCAL SELF-GOVERNMENT/

Примакова М.А.

Башкирский Государственный университет, Институт права, г. Уфа

Аннотация. В данной научной статье исследованы вопросы критериев эффективности местного самоуправления в Российской Федерации. Проанализированы возможности применения критериев эффективности местного самоуправления в реалиях действующего законодательства о местном самоуправлении в Российской Федерации.

Ключевые слова: Местное самоуправление, эффективность местного самоуправления, критерии, демократия, права и свободы человека и гражданина.

Keywords: Local government efficiency local government criteria, democracy, rights and freedoms of man and citizen.

За последние двадцать лет Российская Федерация сделала свой стратегический выбор, несколько раз корректировала политический курс своего развития. Данные процессы ставили перед государством, политическими элитами и гражданами ряд проблем, связанных не только с формированием конституционного дизайна, гражданского общества, правового государства и рыночной экономики, но и обеспечением национальной безопасности. События 90-х годов XX века в России были связаны с поиском выхода из социально-экономического и политического «хаоса», с частичной утратой потенциально важных для настоящего и будущего Российской Федерации[1].

Смысл наличия власти государстве — гарантия безопасности его граждан. Поэтому одна из важнейших задач федерального центра в обозримом будущем продемонстрировать населению регионов России свою необходимость. В свою очередь региональные власти в федеративном государстве также имеют свой специфический круг вопросов, касающихся удовлетворения потребностей граждан, прежде всего тех, которые связаны с особенностями того или иного региона и его частными проблемами[1].

Прежде чем приступить к вопросу рассмотрения эффективности местного самоуправления, стоит отметить общеиспользуемую формулу определения эффективности того или иного направления, объекта, действия в рамках достижения той или иной цели. Основные цели и задачи местного самоуправления просматриваются статье 1 Закона о местном самоуправлении[2], которая гласит, что местное самоуправление в Российской Федерации является формой осуществления народом своей власти, которая обеспечивается в пределах, определенной Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством, а также законами субъектов Российской Федерации в рамках самостоятельности принятия решений населением непосредственно/через органы местного самоуправления определенных вопросов местного уровня с учетом исторических и иных традиций. Отсюда следует, что основные цели местного самоуправления определяются в:

- обеспечение осуществления народом своей власти в рамках институционального принципа;
- обеспечение решений населения вопросов местного уровня в рамках организационного принципа[3].

Исходя из определенных целей местного самоуправления процессом их достижения, в том числе и итогом достижения поставленных целей, является эффективностью местного самоуправления самого высокого уровня, в котором и заключен сам смысл работы органом местного самоуправления, как института общественно-политической направленности.

С точки зрения юридической теории в двух определенных выше целях заключены основополагающие ценности, которые несут в себе также две правовые ценности конституционного значения:

- местное самоуправление является составляющей проявления демократии;
- права и свободы человека и гражданина, реализация которых связана не только с федеральным уровнем в общем, но и с конкретным местом жительства человека и гражданина.

В рамках определения круга проблем критериев эффективности местного самоуправления, стоит обратить внимание на идею, которая определена в рамках выявляющихся проблем эффективности действия нормативно-правовых актов: цель в отличии несет в себе более широкий по масштабу характер, оценивая эффективность, которой стоит рассматривать не само конечное достижение цели, а степень достижения. Все вышесказанное имеет свое распространение на исследование проблематики критериев эффективности местного самоуправления. Так, оценивая достижение поставленных целей на примере конкретного региона/муниципалитета, стоит рассматривать не о количественном критерии достижения поставленных целей, а о их качественном достижении. Две главенствующие цели и сопутствующие им ценности определяют цели деятельности местного самоуправления, в том числе и органов местного самоуправления, задачи, которые также связаны с правовым сопровождением определенной направленности.

Таким образом, определение эффективности местного самоуправления стоит определять как комплексную муниципально-правовую категорию, которая подразумевает возможность/способность в государственной системе действия местного самоуправления в вопросах обеспечения достижений целей различной направленности при малых затратах в отражении степеней достижения.

Анализируя указанные выше главные цели деятельности местного самоуправления, стоит отметить, что, к сожалению, демократия на муниципальном уровне развита достаточно неустойчиво, а по некоторым направлениям и откровенно слабо. Законом о местном самоуправлении, а именно Главой 5, предусмотрено всего 11 форм ее реализации, а по факту работают должным образом только две: процедура местных выборов и процедура обращения граждан[4]. Например, предусмотренная законодательством Российской Федерации возможность проведения местного референдума, который по праву считается самой демократической формой проявления муниципального самоуправления, применяется крайне редко. Примерно такая же ситуация и с публичными слушаниями, в которых помимо редкого применения еще и кроется умышленное замалчивание, проводится в режиме информационного вакуума, что приводит к проведению на формальном уровне/имитации проведения, в случаях, когда публичные слушания необходимы в определенных вопросах. Таким образом, возможности территориального общественного самоуправления в Российской Федерации используются всего лишь на небольшую часть от реального потенциала. Аналогичная ситуация просматривается и в остальных формах местной демократии.

Второй целью местного самоуправления, как уже было сказано, признается обеспечений решений населения вопросов местного уровня с организационной точки зрения. Стоит помнить о том, что организация такого процесса должна осуществляться в разрезе исторических и местных традиций. Данная цель достигается путем решения огромного спектра задач в сфере экономики, юриспруденции, процесса организации. Среди всех перечисленных задач особняком стоят задачи по защите прав и свобод человека и гражданина в разрезе местожительства, а также задачи по охране законных интересов в рамках решения вопросов местного уровня.

Помимо указанных основных юридических аспектов эффективности деятельности местного самоуправления проблемы имеются также и в управленческой части изучения данного вопроса. Так, вопрос о соотношении конечной эффективности деятельности местного самоуправления и его эффективности с управленческой точки зрения, а также решение данного вопроса, напрямую зависит от определения соотношения критериев и показателей эффективности. Как показывает практика, данный вопрос имеет место быть, так часто встречаются случаи, когда данные понятия применяются как тождественные.

Отталкиваясь от значения слова и области его применения, критерием эффективности местного самоуправления является мериллом, признаком, тот масштаб, в рамках которого можно осуществить оценку эффективности деятельности местного самоуправления.

Таким образом, критериями эффективности деятельности местного самоуправления считаются главные цели. Критерии, которые можно отнести ко второстепенным, сами по себе направлены на обеспечение местной демократии, на соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а также законных интересов человека и гражданина, т.е. такие критерии, которые направлены на основополагающие критерии управления, как:

- производительность органов местного самоуправления;
- управляемость;
- ритмичность осуществляемой работы;
- качественный и количественный прирост показателей;
- экономия времени.

Таким образом, данные критерии помогут перевести критерии в показатели эффективности, а показателями эффективности являются такие факторы, которые заключаются в оценочные определения исполнения органом местного самоуправления своих непосредственных задач на практическом уровне.

Четкое разграничение основанных на целях деятельности местного самоуправления критериев, а также основанных на результатах деятельности показателей, применяется с целью сведения процессов оценки эффективности деятельности местного самоуправления к механизации и бюрократизации в виде суммирования цифровых показателей.

Безусловно, без применения суммирования количественных показателей при оценке деятельности местного самоуправления не обойтись, но не стоит забывать о том, что помимо количественных показателей существуют и качественные показатели эффективности деятельности. Так, определенный выше критерий эффективности местного самоуправления «Обеспеченность в осуществлении народом своей власти», можно применять на основе определенного ряда количественных показателей, которые отражают численного количество, динамику по осуществлению в пределах выделенной территории муниципального образования таких мероприятий, которые предусмотрены статьями главы 5 Закона о местном самоуправлении. Но, как говорилось выше, такие мероприятия зачастую проводят «для галочки», что в свою очередь не может говорить о конкретных результатах деятельности органов местного самоуправления.

Например, при проведении референдума даже отрицательный результат голосования по выдвинутому вопросу будет считаться результатом успешного проведения референдума независимо от итогов. То же самое можно отнести к статье 24 Закона о местном самоуправлении. Во всех случаях необходимо учитывать не только количественные, но и качественные показатели. Например, рассматривая эффективность местного самоуправления в виде проведения публичных слушаний на определенный промежуток времени, стоит учитывать не количество проведенных слушаний, а качество их сопровождения, которые заключаются:

- в сроках проведения публичных слушаний;
- в степени освещенности во всевозможных источниках средств массовой информации;
- в активности населения;
- в уровне организации, проявляющийся в приспособленности проводимого мероприятия для удобства его участников;
- в количестве и важности изучаемых вопросов;
- и т.п.

Таким образом, выработка научно обоснованных количественных и качественных показателей эффективности местного самоуправления позволит объективно оценить эту эффективность на основе имеющихся критериев

¹Аминов И.Р. [О фундаменте национальной безопасности России // Вестник БИСТ \(Башкирского института социальных технологий\)](#). 2015. № 2 (27). С. 56-61.

²Кузнецова С.П. Проблемы взаимодействия административной комиссии с органами власти и пути их решения // Территория науки. 2016. № 2. С. 135.

³Кузнецова С.П. Проблемные вопросы развития муниципального правотворчества // Территория науки. 2016. № 1. С. 144.

⁴Кенжеева М.А. Проблемы правового регулирования организации местного самоуправления // Территория науки. 2016. № 1. С. 127.

Список литературы

1. Аминов И.Р. [О фундаменте национальной безопасности России // Вестник БИСТ \(Башкирского института социальных технологий\)](#). 2015. № 2 (27). С. 56-61.
2. Аминов И. Р. Федеративная модернизация российских регионов // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2015. № 18 – 2. С. 216.
3. Кенжеева М.А. Проблемы правового регулирования организации местного самоуправления // Территория науки. 2016. № 1. С. 127-134.
4. Кузнецова С.П. Проблемные вопросы развития муниципального правотворчества // Территория науки. 2016. № 1. С. 143-149. Территория науки. 2016. № 3 173.
5. Кузнецова С.П. Проблемы взаимодействия административной комиссии с органами власти и пути их решения // Территория науки. 2016. № 2. С. 135-139.
6. Сытинская, М. В. Комментарий к Федеральному закону от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об

общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (постатейный) / М.В. Сытинская, В.И. Шкатулла. - М.: Юстицинформ, 2015. - 728 с.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

/FOREIGN EXPERIENCE OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS WITH LOCAL AUTHORITIES/

Салихова Сабина /Salikhova Sabina/, Мирзаев М.А./Mirzayev M.A./

(Салихова Сабина, студентка юридического института ДГУ, Республика Дагестан /Salikhova Sabina, student legal institution of DGS, Republic of Dagestan/; Мирзаев М.А., доцент кафедры теории государства и права ДГУ /Mirzayev M.A., associate professor of the theory of the state and right of DGU/)

Аннотация: в публикации рассматриваются вопросы взаимодействия власти с некоммерческими организациями за рубежом. Отражены вопросы законодательства нашей страны и зарубежных стран, их существенные различия, ограничивающие деятельность некоммерческих организаций в России. Проанализирован порядок регистрации и создания НКО, возможности участия иностранцев в деятельности НКО, а так же порядка ликвидации организации так, как в Европейских странах.

Abstract: in this publication discusses the interaction of authorities with non-profit organizations abroad. The legislation of our country and foreign countries, their significant differences, restricting the activities of non-profit organizations in Russia. Analyzed the order of registration and the establishment of the NDA, the possibility of the participation of foreigners in the NCBs, as well as order the liquidation of the Organization as in European countries.

Ключевые слова: гражданское общество, некоммерческий сектор, зарубежные страны, Конгресс США, Мишель Обама, Канцлер Федеративной Республики Германия Ангела Меркель, государства Скандинавии, Организация Объединенных Наций и Европейский союз.

Keywords: civil society, the non-profit sector, foreign countries, the Congress of the United States, Michelle Obama, Chancellor of the Federal Republic of Germany Angela Merkel, States, the United Nations and the European Union.

Как известно, гражданское общество составляет взаимодействие трех секторов: власти, бизнеса и НКО. Взаимодействие, между государством и некоммерческим сектором можно называть социальным партнерством. Такое партнерство выгодно обеим сторонам. Государство при этом, перекладывает часть своих социальных обязанностей на НКО, НКО в Эстонии

Некоммерческому сектору уделено особое внимание во многих демократических странах. Многие политики понимают важность развития некоммерческих организаций, а так же то, что многие социальные функции государства можно возложить на НКО. В некоторых зарубежных странах законодательно закреплена важность участия в развитии некоммерческих организаций. А западные политики демонстрируют важность некоммерческих организаций тем, что сами в них состоят.

В Америке Конгрессом США в 2009 году был принят "Акт о служении Америке", в котором отмечалась важность участия граждан в развитии и деятельности некоммерческих организаций, а так же отмечена роль НКО в становлении гражданского общества в США [6].

Ярким примером участия политических деятелей в развитии и работе некоммерческих организаций может служить Канцлер Федеративной Республики Германия Ангела Меркель. Она состоит в некоммерческой организации "Белое кольцо", деятельность которого направлена на помощь людям, пострадавшим в ходе действий криминального характера. В Великобритании под патронажем принца Уильяма находится около двадцати общественных объединений. Бывшая первая леди США - Мишель Обама является исполнительным директором программы "Public Allies Chicago".

В рамках данной программы проходит обучение и подготовка квалифицированных кадров для руководства некоммерческими организациями.

Важно отметить тот факт, что некоммерческие организации и их взаимодействие с властью по основным показателям значительно отстает от стран Западной Европы, Северной Америки и государств

Скандинавии. Ниже мы предоставим таблицу (табл. 1), в которой дадим сравнительную характеристику значению НКО для развития государства в целом [6].

Таблица 1 - сравнительная характеристика значения НКО для развития государства

Значение НКО	В России	В развитых странах
Доля НКО в ВВП	0,9%	6,5%
Доля занятых в НКО	1,1%	7,1%
Доля социально ориентированных НКО от общего числа НКО	13,5%	60-70%

Анализируя данную таблицу можно увидеть, что за рубежом некоммерческие организации имеют больший вес, чем в России. Государство зарубежных стран активнее, чем в России участвует в деятельности НКО и их развитии. Финансирование деятельности так же активнее и больше за рубежом. В среднем, доходы НКО от государства в развитых странах составляют 48%, что гораздо выше, чем финансирование от государства в развивающихся странах.

Пожалуй, самой явной отличительной чертой взаимодействие власти с НКО в России и других странах является вовлеченность некоммерческих организаций в социальную сферу. Зарубежные власти гораздо чаще пользуются делегированием функций. Так, например, на Западе роль государства, как поставщика социальных услуг снижена. Большая часть домов престарелых, детских домов, больниц, детских садов и интернатов является негосударственными. Государство же является всего лишь заказчиком социальных и общественных услуг [9].

Если же сравнивать законодательства нашей страны и зарубежных стран, можно увидеть существенных различия, ограничивающие деятельность некоммерческих организаций в России. Это касается и порядка регистрации и создания НКО, возможности участия иностранцев в деятельности НКО, а так же порядка ликвидации организации. Жестко регулируется деятельность НКО, в составе которых есть иностранные граждане. В Европейских странах только две формы некоммерческих организаций: фонды и ассоциации. А это намного упрощает законодательство.

Как нам представляется, для усовершенствования взаимодействия можно учесть опыт взаимодействия НКО с наднациональными организациями, такими как Организация Объединенных Наций и Европейский союз. Важность взаимодействия НКО с ООН была отмечена еще в 1946 году, когда был создан Департамент общественной информации. Генеральная Ассамблея обязала департамент и его отделения: ". активно содействовать и оказывать помощь информационным органам различных стран, просветительным учреждениям и другим, правительственным и неправительственным организациям разного рода, заинтересованным в распространении информации об Объединенных Нациях. В этих и других целях он должен иметь полностью оборудованный справочный отдел, инструктировать или направлять лекторов и предоставлять в пользование этих учреждений и организаций свои издания, документальные фильмы, короткометражные фильмы, плакаты и другие наглядные пособия" [10].

Европейский союз взаимодействует с некоммерческими организациями, механизм взаимодействия включает в себя несколько форм: неформальные встречи и Европейский Экономический и Социальный Комитет. По мнению учёных и практических работников, самой эффективной формой являются неформальные консультации. На этих консультациях встречаются чиновники и представители НКО. Такие формы встречи чаще всего не имеют никаких формальных рамок. Так же в Европе НКО включены в консультативную деятельность. Их представители могут выступать в качестве консультантов на совещаниях и собраниях. Примером такой деятельности является Совещательная группа по общей сельскохозяйственной политике. В состав данной группы входят представители коммерческого сектора и общественных организаций. Европейские некоммерческие организации дважды в год проводят встречи с представителями органов власти [11].

В Польше также развито социальное партнерство. Там в 2002 году было принято Постановление о социальном диалоге. В данном документе закреплена важность сотрудничества государства и НКО и их влияние на развитие гражданского общества. Существуют следующие группы социальных партнеров: коллективные представители рынка труда (профсоюзы и организации работодателей), инициативные группы граждан (общественно-полезные ассоциации, фонды, группы интересов).

Можно выделить тройку стран-примеров того, как государство должно сотрудничать с некоммерческим сектором, чтобы это приносило пользу всем гражданам общества и самому государству. К таким странам можно отнести США, Эстонию и Хорватию. В США доля вовлеченности НКО в формирование ВВП составляет 7,5%, что даже больше, чем среднее значение по развитым странам вообще. Эстония и Хорватия демонстрируют пример успешной государственной поддержке некоммерческих организаций. В США государственное финансирование некоммерческого сектора осуществляется через профильные министерства (образования, здравоохранения, социальной защиты), сфокусированные на решении социальных задач. Унифицированные для всех ведомств, стандарты предоставления финансирования НКО задаются в коде лучших практик финансирования НКО. Активно используется направление финансовой поддержки НКО через такие инструменты, как гранты, государственные контракты, налоговые льготы. Особенностью в реализации финансовой поддержки НКО является применение сложного в реализации финансового механизма - ваучера (подразумевает возмещение стоимости услуг третьими лицами). Среди нефинансовых инструментов инфра структурной поддержки распространение получают: упрощение регистрации для НКО; требования к прозрачности отчетности НКО; повышение квалификации НКО; развитие инфраструктуры; повышение финансовой устойчивости путем предоставления займов государства НКО и государственных гарантий, компенсаций процентов по займам банков для НКО. Такие направления инфра структурной поддержки НКО, как "координация" и "участие в процессе принятия решений" реализуются в рамках деятельности института Межсекторного комитета по развитию гражданского общества, который формируется из представителей государства и НКО, является публичной площадкой для обсуждения государственной политики в области некоммерческого сектора.

Система поддержки НКО в Эстонии основана на принципе четкого разделения источников финансирования конкретных программ и развития инфраструктуры НКО. Так, финансирование профильных программ возложено на профильные министерства и фонды при них. Основным государственным органом в Эстонии, отвечающим за построение общественно-государственного партнерства со стороны государства, является министерство внутренних дел, в функции которого входят финансирование программ регионального развития НКО, а также участие в разработке и мониторинге программ. В 2007 г. проведена стандартизация, достигнута прозрачность критериев получения поддержки в рамках принятия Кода лучших практик финансирования НКО. Среди инструментов финансовой поддержки используется стандартный набор: целевые гранты, государственные контракты, налоговые льготы для НКО и доноров - при финансировании сертифицированного списка НКО. В Эстонии максимально упрощена регистрация: НКО можно зарегистрировать даже по телефону. Действуют требования к прозрачности отчетности НКО. В 2008 г. Создан Национальный фонд гражданского общества для финансирования обучения, развития инфраструктуры НКО. Информационной площадкой для НКО и диалога с государством выступает сеть НКО Эстонии (NENO), которая было создана в 1991 г. Стратегия развития НКО в Эстонии институционализируется в рамках концепции развития гражданского общества, которая впервые была принята парламентом Эстонии в 2002 г. по инициативе NENO и министерства внутренних дел.

В Хорватии произошла трансформация от централизованной поддержки НКО (1998-2003 гг.) - через Государственный офис по взаимодействию с НКО - к децентрализованной поддержке НКО через профильные министерства. В 2007 г. проведена стандартизация, достигнута прозрачность критериев получения поддержки, в рамках которых принят Код лучших практик финансирования НКО и создана online-база НКО-получателей государственного финансирования. За Государственным офисом по взаимодействию с НКО закреплены функции мониторинга существующих государственных программ и разработки перспективных. В стране действует "обязательный" набор финансовых инструментов: целевые гранты, государственные контракты, налоговые льготы для НКО и доноров. Среди нефинансовых инструментов распространение получают обучение НКО, информационная помощь через специальный портал. Формируется национальный план развития гражданского общества, созданы различные институты по развитию взаимодействий между властью и НКО: национальный фонд развития гражданского общества, который работает с региональными фондами; совет по развитию гражданского общества, выступающий площадкой для диалога НКО и государства. Требования к прозрачности отчетности НКО не сформированы, проводится пропаганда социальной ответственности, отсутствует упрощение регистрации для НКО. Таким образом, в Хорватии при реализации всего обязательного набора финансовых инструментов поддержки НКО наблюдается действие не всех компонентов основного набора нефинансовых механизмов (отсутствуют упрощение регистрации для НКО, требования к прозрачности отчетности). [6] Как мы видим, вовлеченность некоммерческих организаций за рубежом значительно выше, что позволяет гораздо

эффективнее реализовывать социальную политику. Делегируя отдельные свои функции НКО, государство освобождает себя от решения данных вопросов. Как нам представляется, важно найти удобные формы взаимодействия с властью и тогда полезность деятельности НКО и власти будет гораздо заметнее. На наш взгляд, главное, если наши политические деятели начнут активно участвовать в деятельности НКО, это значительно повысит привлекательность третьего сектора. Государство и муниципальные образования только выигрывают от такого сотрудничества, а самое главное, как только на законодательном уровне произойдут изменения в сфере отношений государства и НКО, так можно будет наблюдать положительную динамику в развитии гражданского общества[8].

Список литературы

1. Конституция РФ - 1993
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017) ГК РФ // СПС "КонсультантПлюс";
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СПС "КонсультантПлюс";
4. "О некоммерческих организациях": Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ // СПС "КонсультантПлюс";
5. "Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний": Федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ // СПС "КонсультантПлюс";
6. Кулькова В.Ю. Зарубежный опыт инфраструктурной поддержки некоммерческих организаций // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2014. - С.7-20;
7. "Третий сектор" возвращают людям: СМИ об исследованиях - URL: <http://flb.ru/info/54173.html> (дата обращения: 08.05.2017);
8. Политика: Фонд Костина призывает НКО сменить ориентацию. - URL: <http://civilfund.ru/article/1077> (дата обращения 12.05.2017).
9. Третий сектор в России: текущее состояние и возможные модели развития. - URL: <http://civilfund.ru/mat/view/20> (дата обращения 08.05.2017);
10. Электронная энциклопедия "Академик". - URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ru_wiki/228326 (дата обращения: 17.05.2017);
11. Электронный ресурс Новинфо. - URL: <http://novainfo.ru/article/12334> (дата обращения: 05.06.2017).

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ИНСТИТУТ АВТОРСКОГО ПРАВА В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ РАКУРС

Гребенник Л.А.

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Аннотация. Автор статьи исследует исторические особенности возникновения и формирования в России института авторского права. В работе приводятся наиболее важные факторы, под влиянием которых авторское право в России развивалось с запозданием по сравнению со странами Западной Европы. Нормативные правовые акты рассмотрены в хронологической последовательности. В конце статьи изложены авторские выводы и соображения.

Ключевые слова: авторское право, история авторского права, российское законодательство, гражданское право, законодательство о цензуре, советское законодательство.

Grebennik L.A.

Abstract. The author explores the historical features of the emergence and formation in Russia of the institution of copyright. The paper cites the most important factors under the influence of which copyright in Russia developed with a delay in comparison with the countries of Western Europe. Normative legal acts are considered in chronological order. At the end of the article, the author's conclusions and considerations are presented.

Keywords: copyright, history of copyright, Russian legislation, civil law, legislation on censorship, Soviet legislation.

Институт авторского права зарождался в Западной Европе XV века после появления способа книгопечатания подвижными литерами с помощью прессы, изобретенного И. Гуттенбергом (этим событием ознаменована одна из информационных революций)¹. Затем возник институт привилегий - предоставления государством монопольных прав на производство и распространение печатной продукции. Акты о привилегиях впоследствии дополнились законодательством о цензуре.

Институт авторского права в России развивался с явным запозданием², под влиянием внутренней государственной политики в отношении свободы слова и выражения мнений посредством законодательства о цензуре. При этом следует учесть следующее:

1) до XVI века книги в России переписывались в монастырях, литературные произведения были религиозными;

2) в XVII веке индустрии книгопечатания еще не существовало, напротив, в конце того же века в Западной Европе уже началось движение за права авторов;

3) до XVIII столетия в России не было частных типографий и только в 1771 году в Петербурге начала работу типография И. М. Гартунга (ранее монополией на книгопечатание обладала Академия наук), а в 1783 году разрешается учреждение вольных типографий во всех городах империи, однако в 1796 году Екатерина II упразднила частные типографии и ввела жесткую цензуру произведений; ситуация изменилась, когда на престол вступил Александр I;

4) выплата вознаграждений авторам начинается только с 1820 года с определенными ограничениями.

¹ Информационное право: учебник и практикум для академического бакалавриата / И. М. Рассолов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. С. 15-19.

² Салицкая Е.А. Развитие отечественного законодательства в области авторского права: исторический аспект // Альманах «Наука. Инновации. Образование». 2014. Выпуск 16. С. 265.

Верно мнение А. Г. Матвеева: «В Российской империи авторское право появилось как публично-правовой, а не частноправовой институт, как продукт воли монарха, а не результат парламентских дискуссий и конкурентной борьбы типографщиков. По этой причине влияние учений, обосновывающих авторское право, на становление и дальнейшее развитие российской системы авторских прав является незначительным сравнительно с влиянием такого рода теорий на авторское право Франции, Германии, Англии и США»³.

В 1828 г. был принят Устав о цензуре (он же - «Цензурный устав»)⁴, раздел II которого «О Сочинителях и Издателях книг» (§ § 133-139) в частности устанавливал, что каждый Сочинитель или Переводчик книги имеет исключительное право пожизненно пользоваться изданием и продавать его как благоприобретенное имущество.

Предшественники данного нормативного правового акта - Устав о цензуре в Российской Империи от 9 (21) июля 1804 г. и так называемый «чугунный устав» 1826 г.⁵ - отношения авторского права почти не затрагивали, если не считать нормы, в соответствии с которой сочинитель, переводчик или издатель, если пожелают, могли не печатать своего имени на сочинении.

В 1828 г. издано Положение о правах сочинителей, которое в 1830-м обновлено Высочайшим утвержденным мнением Государственного Совета под названием «О правах Сочинителей, Переводчиков и Издателей»⁶. «Исключительное право пользоваться во всю жизнь свою изданием и продажей оной по своему усмотрению, как имуществом благоприобретенным» было приравнено к праву собственности. Данное право могло наследоваться, но прекращалось по истечении 25 лет со дня смерти автора (Сочинителя, Переводчика). Устанавливалось также, что напечатанная книга без соблюдения правил Цензурного устава лишается на нее всех прав.

³ Матвеев А.Г. Система авторских прав в России: нормативные и теоретические модели: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016. С. 16.

⁴ Устав о цензуре: [Утв. 22 апр. 1828 г.: с приложением Штатов и Положения о правах сочинителей]. Санкт-Петербург: типография Департамента народного просвещения, 1829. URL: <http://www.prlib.ru/item/459989> (дата обращения: 17.07.2017). С. 67.

⁵ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год: напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. Санкт-Петербург: в Тип. Морского министерства, 1862. С. 81-96, 125-196.

⁶ Положение о правах Сочинителей, Переводчиков и Издателей от 1 января 1830 г. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе, т. V. Отделение первое. 1830 год (№ 3399-3882). Санкт-Петербург: в Тип. 2 Отделения Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830-1885. С. 17-21. 297 с.

9 января 1845 г. приняты Правила о музыкальной собственности⁷, 1 января 1846 г. утверждено Положение о собственности художественной. В 1857 г. Госсовет увеличил срок охраны авторского права с 25 до 50 лет после смерти автора.

В 1861 и 1862 гг. с Францией и Бельгией были заключены соглашения «О литературной и художественной собственности», однако в 1887 году Россия отказалась от продления указанных договоров.

20 марта 1911 г. принимается Положение об авторском праве, среди причин его принятия называют: 1) понимание государственной властью несовершенства российского законодательства в сфере авторского права, 2) желание достичь европейского уровня регулирования, 3) необходимость вступления в международные соглашения ввиду принятых Россией обязательств по торговым договорам⁸.

Понятие «литературная и художественная собственность» в Положении отсутствовало. «Отказ законодателя от термина «литературная и художественная собственность», - отмечает Е. А. Салицкая, - свидетельствует о том, что к началу XX века в России получили признание взгляды противников проприетарной теории⁹, согласно которой за автором признавалось право собственности на его произведение, которое приравнивалось к праву собственности на материальные ценности. Таким образом, принятие Положения 1911 года стало весьма прогрессивным шагом, ознаменовавшим признание российским законодателем самостоятельного характера природы авторского права»¹⁰.

В Положении использовался термин «исключительное право», праву придавался имущественный характер: автор мог всеми возможными способами воспроизводить, публиковать и распространять свое произведение.

⁷ Николаев В. Авторское вознаграждение за исполнение музыкальных произведений в Российской империи // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 12.

⁸ Деноткина А.В. Правовая охрана товарных знаков и объектов авторского права: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 26-27.

⁹ Автор проприетарной теории интеллектуальной собственности – английский философ XVII века Джон Локк, философское учение которого легло в основу концепции копирайта. См. подробнее: An Essay Concerning Humane Understanding, Volume 2 by John Locke // URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/10616> (дата обращения: 19.07.2017); Петрова Ю.В. Охрана личных неимущественных прав автора в европейских странах (континентальная и англосаксонская правовые системы): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 28-31.

¹⁰ Салицкая Е.А. Развитие отечественного законодательства в области авторского права: исторический аспект // Альманах «Наука. Инновации. Образование». 2014. Выпуск 16. С. 270.

Положение установило перечень охраняемых объектов (литературные, музыкальные, художественные, драматические и фотографические произведения), срок действия авторского права, порядок правопреемства, систему защиты нарушенных прав, условия издательского договора. Автору литературного произведения предоставлялось право на перевод произведения, автору музыкально-драматического произведения принадлежало право на его публичное исполнение. Произведения пользовались правовой охраной в течение жизни автора и 50 лет после его смерти. Сокращались сроки правовой охраны в отношении фотографий, сборников народного творчества, изданий древних книг и ряда других особо названных объектов.

В целом данный нормативно-правовой акт показывал очень высокий уровень юридической техники того времени.

В 1912-1915 гг. Россия заключила соглашения в сфере охраны авторских прав с Францией, Германией, Бельгией и Данией. Однако революционные изменения в сфере государственного и общественного устройства свели на нет эти шаги, в стране началось формирование нового, советского права.

29 декабря 1917 г. ЦИК издал Декрет «О государственном издательстве»¹¹, вот некоторые его положения - яркие свидетельства того времени: «Принимая во внимание ... безработицу печатников, книжный голод в стране, ... поручается ... немедленно приступить к широкой издательской деятельности. В первую очередь должно при этом быть поставлено ... издание русских классиков. Сочинения тех из них, срок авторского права которых истек, должны быть переизданы. Сочинения всех авторов, переходящие таким образом из области частной собственности в область общности, могут быть для каждого писателя особым постановлением Государственной комиссии по просвещению объявлены государственной монополией, сроком, однако, не дольше как на пять лет. Комиссия обязана воспользоваться этим правом по отношению к корифеям литературы, творения которых перейдут согласно настоящему закону в собственность народа».

26 ноября 1918 г. СНК издал Декрет «О признании научных, литературных, музыкальных и

¹¹ Декрет о государственном издательстве (принят в заседании Центрального Исполнительного Комитета 29 декабря 1917 г.) // Декреты Советской власти. М., 1957. С.296-298.

художественных произведений государственным достоянием»¹². Согласно Декрету, постановлением Народного Комиссариата Просвещения достоянием РСФСР могло быть объявлено «всякое как опубликованное, так и неопубликованное научное, литературное, музыкальное или художественное произведение, в чьих бы руках оно ни находилось», в том числе произведение умершего автора. Не объявленные государственным достоянием произведения могли тиражироваться и распространяться при жизни автора только по соглашению с ним. До истечения 6-ти месяцев со дня смерти автора никто не в праве был издавать или переиздавать его произведения.

10 октября 1919 г. СНК РСФСР издал Декрет «О прекращении силы договоров на приобретение в полную собственность произведений литературы и искусства»¹³. Договоры издательств с авторами, в силу которых литературные, музыкальные или художественные работы авторов перешли в полную собственность издателей, объявлялись недействительными.

В 1925 г. в СССР приняты союзные «Основы авторского права»¹⁴ (действовали до 1928 г.), в которых: подробно перечислялись объекты авторского права; гарантировалось признание авторского права за автором и его правопреемниками независимо от гражданства; устанавливалось, что авторское право на произведение, появившееся в свет за границей или находящееся за границей в виде рукописи, эскиза либо в иной объективной форме, признается в пределах, установленных соглашениями Союза ССР с соответствующими государствами; приводился внушительный перечень того, что не считается нарушением авторского права. По общему правилу авторское право на произведения, не выпущенные в свет ко дню смерти автора, переходило к его наследникам на 15-летний срок.

11 октября 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли Декрет «Об авторском праве»¹⁵, в котором устанавливалось в частности, что «на авторское право, принадлежащее, как автору, так и его наследникам, не может быть обращено взыскание верителями (кредиторами) автора или наследников. Взыскание может быть

¹² Декрет СНК РСФСР от 26.11.1918 «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» // СУ РСФСР. 1918. № 86. Ст. 900.

¹³ Декрет СНК РСФСР от 10.10.1919 «О прекращении силы договоров на приобретение в полную собственность произведений литературы и искусства» // СУ РСФСР. 1919. № 51. Ст. 492.

¹⁴ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30.01.1925 г. «Об основах авторского права» // СЗ СССР. 1925. № 7. Ст. 67.

¹⁵ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 11.10.1926 г. (ред. от 23.01.1928) «Об авторском праве» // СУ РСФСР. 1926. № 72. Ст. 567.

обращено на доходы, извлекаемые автором из его права»; «исключительное право автора на издание и распространение своего произведения может быть автором переуступлено издательствам, находящимся в ведении государственных органов, а также профессиональных, партийных и кооперативных организаций, на любой срок или бессрочно, в полном объеме или с ограничениями».

16 мая 1928 г. в СССР приняты новые «Основы авторского права»¹⁶, вот некоторые их положения: авторское право признавалось за автором и его правопреемниками независимо от гражданства; на произведение, появившееся в свет за границей или находящееся за границей в объективной форме, авторское право признавалось лишь при наличии специального соглашения СССР с соответствующим государством и лишь в пределах, установленных таким соглашением; по общему правилу после смерти автора авторское право переходило к его наследникам на 15 лет.

8 октября 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли Постановление «Об авторском праве»¹⁷, которое действовало с 1 января 1929 года до отмены его Указом Президиума ВС РСФСР от 01.03.1974 г. Много внимания уделялось издательскому договору; устанавливалось, что после смерти автора авторское право, в случае отсутствия наследников по закону или завещанию, прекращается. Авторское право на киноленты признавалось за выпускающим их в свет кино-производственным предприятием. За автором сценария сохранялось право на получение вознаграждения за публичную демонстрацию киноленты.

В 1961-1964 гг. проходит кодификация советского законодательства об авторском праве: нормы авторского права включаются разделом в Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г.¹⁸ и в Гражданский кодекс РСФСР 1964 г.¹⁹

27 мая 1973 г. СССР присоединился к Всемирной (Женевской) конвенции об авторском праве²⁰, произведения российских авторов получили правовую охрану за рубежом.

¹⁶ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 16.05.1928 г. «Основы авторского права» // СЗ СССР. 1928. № 27. Ст. 246.

¹⁷ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 08.10.1928 г. «Об авторском праве» // СУ РСФСР. 1928. № 132. Ст. 861.

¹⁸ Закон СССР от 08.12.1961 (ред. от 12.06.1990) «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 525; Свод законов СССР. 1990. Т. 2. С. 6. Основы утратили силу с 1 января 1992 г. в связи с принятием Постановления ВС СССР от 31.05.1991 № 2212-1.

¹⁹ Гражданский кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 11.06.1964 // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

²⁰ См.: Собрание постановлений Правительства СССР. 1973. № 24.

1 марта 1974 г. Президиум Верховного Совета РСФСР издал Указ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс РСФСР», которым прекратил действие принципа свободы перевода произведения: перевод разрешался только с согласия автора либо его правопреемников; срок действия авторского права составил 25 лет после смерти автора.

31 мая 1991 г. ВС СССР утвердил Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик, в Основы включен новый раздел «Авторское право», который действовал на территории России с 3 августа 1992 г. до 3 августа 1993 г. Согласно п. 2 ст. 135 Основ признавалось единое исключительное авторское право, включающее в себя право авторства, право на имя, право на неприкосновенность произведения, право на опубликование произведения, право на использование произведения, право на вознаграждение за использование произведения. В п. 3 ст. 137 закреплялось, что авторство, имя автора и неприкосновенность произведения охраняются бессрочно.

23 сентября 1992 г. был принят Закон Российской Федерации № 3523-1 «О правовой охране программ для ЭВМ и баз данных»²¹, действовал он до 31 декабря 2007 г. В статье 2 Закона устанавливалось, что программы для ЭВМ и базы данных относятся к объектам авторского права. Программам для ЭВМ предоставлялась правовая охрана как произведениям литературы, а базам данных - как сборникам.

9 июля 1993 г. принят Закон Российской Федерации № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах»²², в связи с введением его в действие раздел «Авторское право» Основ 1991 г. утратил силу. Автором произведения признавался исключительно гражданин (физическое лицо), творческим трудом которого создано произведение. Закон № 5351-1, а с ним и Гражданский кодекс РСФСР 1964 г., утратили силу с 1 января 2008 года в связи с принятием Федерального закона от 18.12.2006 № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». С введением в действие части четвертой ГК РФ начинается современный этап эволюции института авторского права в российском законодательстве.

²¹ Закон РФ от 23.09.1992 № 3523-1 (ред. от 02.02.2006) «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 22.10.1992. № 42. Ст. 2325; СЗ РФ. 2006. № 6. Ст. 636.

²² Закон РФ от 09.07.1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» // Ведомости СНД и ВС РФ. 12.08.1993. № 32. Ст. 1242.

Отдельно следует упомянуть, что в 80-е и 90-е годы XX века наша страна становится участницей двух и многосторонних договоров (соглашений) в сфере интеллектуальной собственности.

Учитывая вышеизложенное, мы приходим к следующим выводам:

1. У истоков формирования рассматриваемого института никакого авторского права в его современном понимании не было: государство устанавливало монополию на тиражирование (распространение) печатных книг, реализуя тем самым публично-правовой интерес.

2. В зарубежных странах под влиянием рыночных отношений нормы частного правового характера получили скорейшее развитие и объективное воплощение в нормативных правовых актах. В России этот процесс шел в разы медленнее.

3. Необходимость формирования самостоятельного института авторского права в полной мере осознается в России лишь к началу XX века, когда принимается Положение об авторском праве 1911 г., вводится термин «исключительное право».

4. Советское гражданское законодательство характеризуется тенденцией к кодификации, однако в постсоветской России отдельный закон об авторском праве действовал с 1993 по 2007-й г., затем утратил силу, а нормы об авторском праве вошли в состав части четвертой действующего ГК РФ.

5. До расцвета советского права роль международных соглашений в формировании института авторского права была минимальной. Действующие по настоящее время международные соглашения, в том числе двусторонние, были подписаны в СССР и позднее, однако их исследование не входит в предмет настоящей статьи.

Список литературы

1. An Essay Concerning Humane Understanding, Volume 2 by John Locke // URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/10616> (дата обращения: 19.07.2017).
2. Деноткина А.В. Правовая охрана товарных знаков и объектов авторского права: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
3. Информационное право: учебник и практикум для академического бакалавриата / И. М. Рассолов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016.
4. Матвеев А.Г. Система авторских прав в России: нормативные и теоретические модели: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016.
5. Николаев В. Авторское вознаграждение за исполнение музыкальных произведений в Российской империи // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 12.
6. Петрова Ю.В. Охрана личных неимущественных прав автора в европейских странах (континентальная и англосаксонская правовые системы): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

7. Салицкая Е.А. Развитие отечественного законодательства в области авторского права: исторический аспект // Альманах «Наука. Инновации. Образование». 2014. Выпуск 16. С. 265-274.

К ВОПРОСУ О ДЕЙСТВИИ ДОГОВОРА ЛИЗИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Липич Д.В.

Юридический институт Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»), г. Белгород

Договор лизинга в России является относительно новым институтом гражданского права. В различные времена большое внимание уделялось укреплению различных сфер общества, в том числе, и правовой сферы на основе различных юридических конструкций. Многие исследователи обсуждают проблему действия договора лизинга и какое место он занимает в системе гражданско-правовых договоров. Разработка данной проблемы во многом будет способствовать оптимизации правового регулирования и разрешению некоторых спорных вопросов судами при рассмотрении гражданских дел по договорам лизинга. Поэтому данное исследование я считаю актуальным и важным в сегодняшних реалиях. Начало использования лизинговых операций у нас в стране началось приблизительно в конце 80-х годов XX века. Правовой основой для этого послужили Основы Законодательства ССР и союзных республик об аренде от 23 ноября 1989 года №810-1 и Письмо Государственного Банка СССР от 16 февраля 1990 года № 270 «О плане счетов бухгалтерского учёта». При помощи этих законодательных актов произошло внедрение лизинговых операций в банковскую практику.

Рассмотрение лизинговых отношений, их правовое регулирование в России связывается с Указом президента РФ от 17 сентября 1994 года № 1929 «О развитии финансового лизинга и инвестиционной деятельности». В данном указе давалось определение лизинга, которое определялось как вид предпринимательской деятельности, направленный на инвестирование временно свободных либо привлечённых финансовых средств в имущество, которое передавалось по соответствующему договору физическим и юридическим лицам на определённый срок. [3]

Необходимо уточнить, что лизинг в данном случае классифицируется, прежде всего, как предпринимательская деятельность, а не как гражданско-правовой договор.

На сегодняшний момент в гражданском законодательстве существует ряд проблем, связанных с договором финансовой аренды. Одной из них является проблема количественного состава лизинговой сделки. В законодательстве данный аспект рассматривается с двух сторон – во-первых, аренды и опосредуемой ею купли-продажи в пользу третьего лица, которые, хоть и имеют связь друг с другом, но не могут быть использованы в одном трехстороннем договоре. При этом, нужно добавить, что необходимо различать трехстороннюю сделку и договор лизинга, в котором принимают участие одновременно лизингодатель, лизингополучатель и продавец.

И во-вторых, немалый круг учёных юристов считают, что лизинг нельзя представлять в виде следующих друг за другом договоров, так как, если исходить из существования отдельного договора между лизингодателем и лизингополучателем, между лизингодателем и продавцом, то на наш взгляд, будет тяжело объяснить отношения продавца с лизингополучателем.

Поэтому, согласно ст. 670 ГК РФ лизингополучатель вправе предъявлять непосредственно продавцу имущества требования, вытекающие из договора купли-продажи, заключенного между продавцом и лизингодателем, в частности: в отношении качества и комплектности имущества, сроков его поставки и в других случаях ненадлежащего исполнения договора продавцом. [1] Лизингополучатель, выступая покупателем, в то же время имеет права и обязанности, предусмотренные ГК РФ для покупателя, как если бы мы рассматривали в первую очередь договор купли-продажи, то для получения согласия лизингодателя он был бы стороной данного договора с продавцом. Необходимо отметить, что в отношениях с продавцом лизингополучатель и лизингодатель соотносятся как солидарные кредиторы.

Ещё одной немаловажной проблемой при регулировании договора финансовой аренды является многозначность понятия «лизинг». В соответствии со ст.665 ГК РФ по договору финансовой аренды (договору лизинга) арендодатель обязуется приобрести в собственность указанное арендатором имущество у определенного им продавца и предоставить арендатору это имущество за плату во временное владение и

пользование. Арендодатель в этом случае не несет ответственности за выбор предмета аренды и продавца. [2].

Ранее, в предыдущей редакции Закона лизинг определялся и как инвестиционная деятельность, и как сложная лизинговая сделка, состоящая из разных договоров, и как разновидность договора аренды. Данная многозначность понятия лизинга регулярно вносила путаницу и в теорию, и в практику. Каждый раз приходилось выяснять, о каком из трёх вышперечисленных понятий говорится в конкретной статье Закона. А если учесть и принять во внимание ту непроработанность законодателем формулировок, то становится предельно ясным, какой ущерб приносила многозначность понятия термина «лизинг».

В новой редакции Федерального Закона (ст. 2) термин «лизинг» обозначен как совокупность экономических и правовых отношений, возникающих в связи с реализацией договора лизинга.[4]

Иными словами, основополагающим понятием лизинга является этот самый договор. Для успешного функционирования последнего возможно появление иных правоотношений, тесно связанных с договором лизинга. Данные правоотношения и сам непосредственный договор лизинга называются лизинговыми правоотношениями. В итоге, можно сказать что, обсуждаемая нами многозначность данного понятия сохраняется. Для определения проблемы понятия «лизинг», на наш взгляд, необходимо первоначально обозначить такую категорию, как «договор лизинга».

Правоотношения, регулируемые действующим Федеральным Законом, функционируют не столько, как отношения лизинга, что является довольно абстрактной формулировкой, сколько, как правоотношения по исполнению рассматриваемого нами договора. Можно сказать, что правоотношения, которые складываются при использовании самых разных видов гражданско-правовых договоров, могут носить разнообразный характер, но они не влияют на природу договора лизинга, а определяются ею. На наш взгляд, правоотношения по исполнению договора лизинга не являются самими договорными лизинговыми обязательствами.

Можно сказать, что финансовая аренда в России находится на пути совершенствования и реформации. В качестве рекомендации, на наш взгляд, законодателю необходимо совершенствовать законодательную базу, принимать соответствующие нормативно-правовые акты, которые будут более детально регулировать, как состав участников договора лизинга, так и само понятие лизинга в законодательстве. Между тем, лизинговые правоотношения проделали в России довольно большой путь с самого начала принятия первых законодательных актов в данной сфере. Кроме этого, необходимо применять при разработке законодательства о лизинге более расширенное толкование судебной практики.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что в Российской Федерации лизинговые правоотношения на сегодняшний момент становятся все более распространенными, о чем свидетельствует увеличение числа дел в судах. Этот факт говорит и о том, что существует ряд проблем, с которыми сталкивается правоприменительная практика. На наш взгляд, законодателю необходимо обратить на это внимание и в кратчайшие сроки разрешить законодательные пробелы

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996. – № 14-ФЗ (ред. от 29.06.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2015) <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=182037>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996. – № 14-ФЗ (ред. от 29.06.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2015) <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=182037>
3. Указ Президента РФ от 17.09.1994 N 1929 "О развитии финансового лизинга в инвестиционной деятельности" (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4477/) (Документ утратил силу или отменен).
4. Федеральный закон от 29.10.1998 N 164-ФЗ (ред. от 16.10.2017) "О финансовой аренде/(лизинге)" http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20780 (дата обращения 8.12.2017)

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ПОНИМАНИЕ КАЗНЫ

Романова К.И.

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

Термин «казна» в отечественном гражданском праве представляет собой сложное явление. При этом ни правовые источники, ни юридическая литература не содержат однозначного его понимания. Полагаю, что восполнение этого теоретического пробела имеет также важное значение и для практики.

Некоторое понимание в данном вопросе дает пункт 4 статьи 214 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), из которого следует, что государственную казну Российской Федерации либо субъекта Российской Федерации составляют средства соответствующего бюджета и иное государственное имущество, не закрепленное за государственными предприятиями и учреждениями. Аналогичная норма также содержится и в статье 215 ГК РФ в отношении муниципальной казны[1]. То есть государственная казна, в том смысле, который ей придается названными правовыми нормами, является объектом гражданских отношений, что полностью соответствует пониманию объектов гражданских прав, данным в статье 128 ГК РФ.

Однако, в то же время, исходя из анализа статей 1069, 1070, 1071 ГК РФ казна понимается не как объект правоотношений, а как субъект. Например, законодатель указывает: «В случаях, когда в соответствии с настоящим Кодексом или другими законами причиненный вред подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования, от имени казны выступают соответствующие финансовые органы»[2]. То есть, в отношениях, связанных с возмещением вреда, когда источником погашения задолженности является казна Российской Федерации, казна субъекта Российской Федерации или казна муниципального района, от её имени (казны) выступает уполномоченное лицо – финансовый орган. При этом возникает справедливый вопрос о наличии правосубъектности у казны, как у участника отношений, так как отсутствие таковой противоречит классическому пониманию субъекта правоотношений.

На сущность казны-субъекта гражданских правоотношений указывает также ряд ученых-цивилистов.

Так, по мнению А.П. Гринкевича «под участием государства-казны в гражданском обороте следует понимать выступление в нем в качестве самостоятельных субъектов Российской Федерации, республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов»[3].

И.И. Королев указывает, что «особенность гражданско-правового положения казны государства как субъекта гражданского права в современном гражданском праве Российской Федерации состоит в том, что она участвует в гражданских правоотношениях через систему государственных органов, предприятия и учреждения, наделенные, как правило, правами юридического лица»[4].

Ю.Н. Андреев предлагает возрождение понимания казны как государства – участника частных и публичных правоотношений[5].

В пользу взгляда на казну, как на объект правоотношений, также указывает ряд ученых.

Так, Х.В. Пешкова пишет: «Наряду с этим важно учитывать, что установление и реализация компетенции участников бюджетных отношений, как и необходимость формирования бюджетных процессуальных правоотношений, обусловлены наличием бюджета. В материальном аспекте он является денежным фондом, с позиции гражданского права - казной, объектом государственной и муниципальной собственности».

А.В. Карачев в разрезе темы об ответственности государства за вред, причиненный гражданам и юридическим лицам, государственными органами и их должностными лицами указывает, что казначейство - это субъект, уполномоченный на определенные действия в отношении такого специфического объекта гражданского права, как казна[6].

По мнению А.А. Нуртдинова, поскольку казна - это совокупность имущества, то в соответствии со статьей 128 ГК РФ имущество относится к объектам гражданского права[7].

Трактуя положения статьи 214 ГК РФ, В.Г. Голубцов указывает: «Современный российский законодатель, используя в абзац второй части 4 статьи 214 ГК РФ термин «казна», имеет в виду не государство-казну, участвующее в гражданско-правовых отношениях как юридическое лицо, а казну как

объект прав, имущество, которое принадлежит Российской Федерации, субъектам РФ и не закреплено за государственными предприятиями, учреждениями, организациями»[8].

Учитывая вышеназванные положения законодательства, а также мнения ученых отметим следующее.

По смыслу общих нормы статей 214, 215 ГК РФ казна действительно выступает объектом прав собственности соответственно Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципальных образований. В полной мере такое утверждение подтверждается и не юридическим, а чисто лингвистическим толкованием данного термина. Например, Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовской, Е.Б. Стародубцева пишут: «Казна (от тюрк. - хранилище денег) - финансовые ресурсы государства, централизованные государственные источники финансов, включая средства федерального бюджета, бюджетов субъектов Федерации, государственное имущество, не закрепленное за государственными предприятиями и учреждениями»[9]. Примечательно, что и законодатель, и доктрина указывают на бюджет, как на составляющую казны. По нашему мнению, бюджет в данном случае отождествляется с пониманием денег как таковых, что придает ему оборотоспособность в смысле статьи 128 ГК РФ. Однако, полагаем, что такое отождествление не в полной мере соответствует бюджетному законодательству.

Легально определяя бюджет, законодатель указывает, что бюджет есть форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления[10]. Разделяя мнение М.В. Романовского, указывающего, что «бюджет представляет собой юридически оформленный документ, в котором в количественном выражении отражается процесс получения и распределения государством денежных ресурсов, необходимых для выполнения его основных функций»[11], заключим, что по своей сути бюджет не является имуществом в смысле ГК РФ, а является скорее: 1) объектом публичного интереса; 2) особой процедурой установления рамок имущественной ответственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. В самом общем понимании под бюджетом понимаем совокупность расходных обязательств и доходных статей. В данном случае подразумевается выход за сферу действия гражданского в пользу бюджетного законодательства, поскольку имеет место объем и пределы публичного интереса, но никак не объект гражданских прав. В связи с чем, возникает также вопрос об относимости понятия «бюджет» к объему понятия «казна» в случае признания её объектом прав.

Однако отметим, что бюджет в некотором роде можно признать документом об имущественном праве, но при этом выделим еще раз публичную природу такого права.

Таким образом, на основании вышеизложенного, отметим, что казна является объектом гражданских прав только в части указания на незакрепленного за государственными либо муниципальными предприятиями и учреждениями имущества. В части же указания бюджета казна есть своего рода имущественный интерес, являющийся исключительно государственным или муниципальным, при этом выходящим за пределы ведения гражданского права. Не соглашаясь с мнением ряда ученых, укажем, что казна не может являться субъектом правоотношений, так как не обладает необходимыми для этого свойствами.

¹ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ//«Российская газета», № 238-239, 08.12.1994

² «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ

³ Гринкевич А.П. Гражданско-правовое положение казны: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 9.

⁴ Королев И.И. Особенности возмещения (компенсации) вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда//Вестник гражданского процесса. 2015. № 6. С. 170 - 190; 2016. № 1. С. 173 - 189; №N 2. С. 240 - 251.

⁵ Андреев Ю.Н. О казне как категории частного (гражданского) и публичного (финансового) права // Налоги. 2012. № 3. С. 29 - 35.

⁶ Карачев А.В. Особенности ответственности государства за вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц государственных органов // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 1. С. 27 - 29.

⁷ Нуртдинов А.А. Некоторые вопросы правового положения государственной казны//«Финансовое право», 2007, № 10.

⁸ Голубцов В.Г. Государство как частноправовой субъект: правовая природа и особенности // Журнал российского права. 2010. № 10. С. 61 - 77.

⁹ Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. «Современный экономический словарь. - 6-е изд., перераб. и доп. - М.»(ИНФРА-М, 2011)

¹⁰ «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ// «Российская газета», № 153-154, 12.08.1998.

¹¹ Финансы: Учебник для вузов / Под ред. М.В. Романовского, О.В. Врублевской, Б.М. Сабанти. М.: Перспектива; Юрайт, 2000. С. 155 - 157

1. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ// «Российская газета», № 153-154, 12.08.1998.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ//«Российская газета», № 238-239, 08.12.1994
3. Андреев Ю.Н. О казне как категории частного (гражданского) и публичного (финансового) права // Налоги. 2012. № 3. С. 29 - 35.
4. Голубцов В.Г. Государство как частноправовой субъект: правовая природа и особенности // Журнал российского права. 2010. № 10. С. 61 - 77.
5. Гринкевич А.П. Гражданско-правовое положение казны: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 9.
6. Карачев А.В. Особенности ответственности государства за вред, причиненный незаконными действиями должностных лиц государственных органов // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 1. С. 27 - 29.
7. Королев И.И. Особенности возмещения (компенсации) вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда//Вестник гражданского процесса. 2015. № 6. С. 170 - 190; 2016. № 1. С. 173 - 189; №N 2. С. 240 - 251.
8. Нуртдинов А.А. Некоторые вопросы правового положения государственной казны//«Финансовое право», 2007, № 10.
9. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. «Современный экономический словарь. - 6-е изд., перераб. и доп. - М.»(ИНФРА-М, 2011).
10. Финансы: Учебник для вузов / Под ред. М.В. Романовского, О.В. Врублевской, Б.М. Сабанти. М.: Перспектива; Юрайт, 2000. С. 155 – 157.

СЕКЦИЯ №4.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

СЕКЦИЯ №5.

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

СЕКЦИЯ №6.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Безуглый С.Н.

Юридический институт НИУ «БелГУ», г. Белгород

Несомненно, норма, определяющая криминализацию приготовления к преступлению (ч. 2 ст. 30 Уголовного кодекса Российской Федерации), консолидируя в себе предупредительную и охранительную составляющие, является необходимой нормой УК РФ.

Однако спор о пределах криминализации приготовления к преступлению ведется в науке уголовного права с момента первого законодательного закрепления данной нормы. До настоящего времени в науке остается нерешенным вопрос о наказуемости приговорительной деятельности.

Н.С. Таганцев указывал на ненаказуемость приговорительных действий как вида обнаружения умысла, а изъятия из этого правила делаются, отмечал он, ввиду особой важности таких преступлений или вредности данных приговорительных действий[1].

Так, дореволюционные криминалисты аккуратно относились к идее наказуемости приготовления к преступлению, допуская возможность уголовно противоправного приготовления в ряде наиболее опасных

преступлений. Причем настолько опасных, когда приготовление само по себе уже содержит в себе опасность[2].

В советский период появляется достаточно большое количество работ, посвященных теме неоконченного преступления и, в частности, приготовления. Важно отметить тот факт, что идея криминализации приготовления поддерживалась не всеми видными советскими учеными.

Критически к криминализации приготовления относился А.Н. Трайнин, подчеркивая, что это способно возложить на суд ненужное бремя[3].

Заслуживает внимания позиция Н.Д. Дурманова, по которой в статье о приготовлении к преступлению нужно специально указать, что ответственности подлежит лишь приготовление к совершению тяжкого преступления и в тех случаях, когда в совершенных приготовительных действиях явно выражена их общественная опасность[4].

Анализ позиций дореволюционных криминалистов, а также ученых советского периода подводит нас к выводу, что в большинстве подходов используются оценочные понятия. Мы полагаем, что критерии определения круга уголовно наказуемых деяний, приготовление к которым необходимо признать противоправными, должны быть более определенными, а использование оценочных понятий, на наш взгляд, способно негативно отразиться на практике применения уголовного закона.

В УК РФ 1996 года законодателем избран подход к криминализации приготовления к преступлению через категории преступлений. По действующему законодательству ответственность наступает за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению.

В целом мы не можем согласиться с критериями криминализации, избранными в действующем УК РФ. В большей степени нам импонирует позиция А.И. Ситниковой, указывающей, что подход к дифференциации приготовительных действий на наказуемые и ненаказуемые противоречит принципу неотвратимости уголовной ответственности и предоставляет возможность безнаказанного осуществления приготовления к наиболее распространенным общественно опасным деяниям, которые относятся к преступлениям небольшой и средней тяжести[5]. В качестве примера автор приводит следующие преступления: ст. 112 УК РФ, ч. 1 ст. 117 УК РФ, ст. 127 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, ч. 1 ст. 159 УК РФ и т. д.

По нашему мнению, законодатель, разграничивая преступления по тяжести, все же относит перечисленные в Особой части составы к общественно опасным. Следовательно, приготовительные действия к различным категориям преступлений опасны, так как создается угроза причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам.

Относительно наказуемости приготовления к преступлению в современном уголовном праве просматриваются три позиции:

1. приготовление ненаказуемо по общему принципу, но с определенными исключениями;
2. наказуемо приготовление к преступлениям определенной степени тяжести;
3. наказуемо приготовление к любому умышленному преступлению[6].

Рассматривая спорные вопросы, касающиеся нормы о приготовлении к преступлению, вызывает интерес рассмотрение подходов к криминализации приготовления зарубежным законодателем.

Так, немецкий законодатель вообще отказался от общей нормы приготовления и установил ответственность за приготовление как оконченный состав в Особой части[7].

УК Республики Беларусь[8] не предусматривает ответственность только за приготовительные действия к преступлению, не представляющему большой общественной опасности. А под преступлениями, не представляющими большой общественной опасности, понимаются умышленные преступления и преступления, совершенные по неосторожности, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше двух лет или иное более мягкое наказание.

Такое решение законодателя Республики Беларусь представляется вполне оправданным. По нашему мнению, совершенно очевидно, что нельзя упускать из вида приготовление не только к тяжким и особо тяжким преступлениям, но также к преступлениям иной категории.

Что касается наказуемости приготовления к преступлению по новому УК Республики Казахстан[9], то здесь приготовление криминализировано частично. Уголовная ответственность предусмотрена за приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению. Одним из принципиальных изменений нового УК Республики Казахстан в отношении наказуемости неоконченного преступления выступает то, что «ответственность за приготовление и покушение на террористическое преступление установлена независимо от категории»[10].

Достаточно интересный подход выбран в новом УК Республики Казахстан. Анализируя вышеуказанное нововведение, можно заключить, что посредством исключения признака категоризации при определении наказуемости приготовления и покушения к преступлениям террористической направленности в некоторой мере реализуется антитеррористическая стратегия государства. Совершенно очевидно, что данное положение является проявлением уголовной политики в указанной сфере.

В условиях современных отношений такой подход к криминализации отдельных групп преступлений, выбранных по видовому или родовому признаку, позволил бы акцентировать внимание правоприменителя на преступлениях, причиняющих наибольший вред общественным отношениям в данный период их развития.

Приготовление к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления по своим фактическим свойствам, обстановке, зачастую, невозможно отличить от приготовительных действий к совершению умышленного преступления небольшой или средней тяжести[11].

В соответствии с указанием на ненаказуемость приготовления к преступлениям небольшой и средней тяжести мы считаем невозможным решение задач УК РФ.

По нашему мнению, подходы к криминализации приготовления к преступлению по категориям преступлений необходимо менять. Тут представляется три варианта изменений:

1. отказаться от криминализации приготовления к преступлению вообще;
2. установить уголовную ответственность за приготовление к определённым преступлениям;
3. полностью криминализовать приготовление.

Отказ от уголовной ответственности за приготовление к преступлению способен привести к увеличению оконченных преступлений.

Справедливо высказывание, по которому «уголовно-правовые запреты должны быть реально доказуемы»[12]. К проблемам общей криминализации приготовления нужно отнести тот момент, по которому будет трудно доказуемой приготовительная деятельность к преступлениям небольшой и средней тяжести, характеризующаяся маленькими масштабами. При этом сложно спрогнозировать негативные последствия для общества после принятия такого решения.

Безусловно, объем и содержание криминализации общественно опасных деяний, в конечном счете, определяют характер тех уголовно-политических стратегий, которые были бы наиболее эффективными с учетом существующей в стране преступности[13].

Преступление необходимо рассматривать как социальное явление. Вред, причиненный общественным отношениям на стадии пресеченного приготовления, будет нулевым, если, конечно, в этих действиях не содержится самостоятельный состав преступления. Параллельно с этим необходимо ставить вопрос об эффективности и качестве соответствующей нормы в целом, ее месте в системе права и иных социальных регуляторов[14].

Необходимо заключить, что дальнейшая криминализация приготовления к определенным видам преступлений позволит активизировать деятельность органов уголовной юстиции по предупреждению и пресечению приготовлений к преступлениям, которые ранее не являлись наказуемыми. Предлагается в ч. 2. ст. 30 УК РФ указать номера конкретных статей, предусматривающих ответственность за преступления, приготовление к которым является наказуемым. Критерии отбора преступлений могут быть следующие:

- преступление должно характеризоваться реальной возможностью снижения уровня общественной опасности (преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие) за счет установления ответственности за приготовление;
- перечисленные преступления должны обладать повышенной распространённостью;
- приготовительные действия к преступлению должны быть реально доказуемыми.

¹ Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1. – СПб., 1878. – С. 145.

² Лякуб П. О покушении на преступление по началам теории и современным законодательствам. Исследование кандидата прав П. Лякуба. – СПб., 1866. – С. 13.

³ Трайнин А. Н. Уголовная ответственность за приготовительные к преступлению действия // Социалистическая законность. – 1953. – № 12. – С. 31.

⁴ Дурманов Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. – М., 1955. – С. 97.

⁵ Ситникова А. И. Доктринальные модели и законодательные конструкции института неоконченного преступления – Орел: Орловский гос. техн. ун-т, 2009. – С. 133–134.

⁶ Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография / под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 176.

⁷ Жалинский А. Э. Современное немецкое уголовное право. – М.: ТК Велби, Проспект, 2006. – С. 249.

⁸ Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 76, 2/50 (по состоянию на 23.11.2017 г.). – URL: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275#load_text_none_1_ (дата обращения: 23.11.2017).

⁹ Уголовный кодекс Республики Казахстан (по состоянию на 20.11.2017 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. – URL: <http://prokuror.gov.kz> (дата обращения: 20.11.2017).

¹⁰ Агыбаева Л. А. В русле новаций // Юридическая газета. – 2014. – 04 сент.

¹¹ Проценко С. В. О приготовлении к преступлению // Российский следователь. – 2012. – № 10. – С. 27.

¹² Шутемова Т. В. О толковании уголовного закона // Противодействие современной преступности: оценка эффективности уголовной политики и качества уголовного закона: сборник научных трудов / Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции; под ред. Н. А. Лопашенко. – Саратов: Сателлит, 2010. – С. 205.

¹³ Лесников Г. Ю. Уголовная политика современной России (методические, правовые и организационные основы): дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – С. 98.

¹⁴ Пудовочкин Ю. Е. Понятие и критерии качества уголовного закона // Противодействие современной преступности: оценка эффективности уголовной политики и качества уголовного закона: сборник научных трудов / Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции; под ред. Н. А. Лопашенко. – Саратов: Сателлит, 2010. – С. 174.

Список литературы

1. Агыбаева, Л.А. В русле новаций / Л.А. Агыбаева // Юридическая газета. – 2014. – 04 сент.
2. Додонов, В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография / В.Н. Додонов; под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 448 с.
3. Дурманов, Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву / Н.Д. Дурманов. – М., 1955. – 200 с.
4. Жалинский, А.Э. Современное немецкое уголовное право / А.Э. Жалинский. – М.: ТК Велби, Проспект, 2006. – 560 с.
5. Лесников, Г.Ю. Уголовная политика современной России (методические, правовые и организационные основы): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Г.Ю. Лесников. – М., 2005. – 349 с.
6. Лякуб, П.М. О покушении на преступление по началам теории и современным законодательствам: исследование кандидата прав П. Лякуба / П.М. Лякуб.– Санкт-Петербург, 1866. – 68 с.
7. Проценко, С.В. О приготовлении к преступлению / С.В. Проценко // Российский следователь. – 2012. – № 10. – С. 26–29.
8. Пудовочкин, Ю.Е. Понятие и критерии качества уголовного закона / Ю.Е. Пудовочкин // Противодействие современной преступности: оценка эффективности уголовной политики и качества уголовного закона: сборник научных трудов / под ред. Н.А. Лопашенко; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. – Саратов: Сателлит, 2010. – С. 174–181.
9. Ситникова А. И. Доктринальные модели и законодательные конструкции института неоконченного преступления / А.И. Ситникова – Орел: Орловский гос. техн. ун-т, 2009. – 165 с.
10. Таганцев, Н.С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1 / Н.С. Таганцев. – СПб., 1878. – 324 с.
11. Трайнин, А. Уголовная ответственность за приготовительные к преступлению действия / А. Трайнин // Социалистическая законность. – 1953. – № 12. – С. 28–33.
12. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 76, 2/50 (по состоянию на 23.11.2017 г.). – URL: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275#load_text_none_1_ (дата обращения: 23.11.2017).
13. Уголовный кодекс Республики Казахстан (по состоянию на 20.11.2017 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Казахстан. – URL: <http://prokuror.gov.kz> (дата обращения: 20.11.2017).
14. Шутемова, Т.В. О толковании уголовного закона / Т.В. Шутемова // Противодействие современной преступности: оценка эффективности уголовной политики и качества уголовного закона: сборник научных трудов / под ред. Н.А. Лопашенко; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. – Саратов: Сателлит, 2010. – С. 205–207.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭВТАНАЗИИ

Блинова Ю.А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», Северо-Западный институт управления

Для понимания природы и правовых проблем эвтаназии, важное значение имеет уголовно-правовая характеристика убийства по просьбе потерпевшего. Поскольку бессмысленно, руководствоваться одним понятием эвтаназии, пытаться понять суть деяния, имеет социальную направленность, без уяснения общественных отношений, которое представляет эвтаназия, поэтому невозможно ни оценить его общественную опасность, ни понять это деяние, ни оценить правильную юридическую квалификацию.

Наиболее проблемным при анализе состава эвтаназии является определение объекта этого преступления [1]

В системе общественного отношения по поводу осуществления эвтаназии допустимо выделить три категории индивидуальных субъектов:

1) неизлечимо больной человек, по просьбе которого применяется эвтаназия, медицинский работник, применяющий данную эвтаназию (специальный субъект), и ионное лицо применяющий эвтаназию (общий субъект).

Предметом в системе общественного отношения по поводу осуществления эвтаназии выступает то, по поводу чего возникает это соотношение. Именно в связи с производством эвтаназии, реализацией прав и обязанностей субъектов согласно своим законным интересам.

Содержание общественного отношения по поводу совершения эвтаназии составляют активные и пассивные формы взаимодействия лица, выражающего просьбу об умерщвлении, и лица, ее разрешающего, т.е. выражается в нарушении одним участником социальных возможностей другой стороны [2]

Сама форма взаимодействия сторон строго определяется уголовным законодательством.

Непосредственным объектом эвтаназии является возможность человека находиться в живом состоянии. Такой подход позволяет более отчетливо продемонстрировать сущность и характер посягательств на общественное отношение, а также причиняемого преступлением общественно опасного вреда. В то же время, признавая объектом преступления возможность находиться в живом состоянии, важно обратить внимание на то, что заданная возможность находится в центральной сфере общественных отношений. Охрана социальный возможностей субъектов общественных отношений уголовным законом осуществляется поскольку, поскольку последние - есть содержание общественных отношений, защита которых составляет общественный и государственный интерес. С момента выведения определенного интереса из сферы находящегося под охраной общества и государства эта возможность автоматически перестает быть объектом прбеступления.

С объективной стороны осуществление эвтаназии есть разновидность причинения смерти человеку, эвтаназий должна быть сконструирована по типу материального состава. В связи с этим обязательными признаками объективной стороны являются: 1)деяние (действие или бездействие) направленное на прекращение жизни неизлечимо больного; 2) преступное последствие (причинение смерти); 3) причинная связь между деянием (действием или бездействием) и наступлением смерти потерпевшего, означающая, что смерть с внутренней закономерностью должна вытекать из действий (бездействий) виновного, т.е. быть необходимым, а не случайным последствием.

Субъективная сторона действий (бездействий), составляющих эвтаназию, характеризуется прямым умыслом . Лицо видит при этом возможность или неизбежность (обычно избежность) наступления смерти безнадежно больного и желает ее наступления. В качестве обязательного признака субъективной стороны выступает мотив сострадания к неизлечимому больному, т.е. чувство жалости, сочувствия, вызываемое несчастьем другого человека. [3]

Целью эвтаназии является избавление больного от мучительных страданий посредством его умышленного умерщвления. Мотив и цель выступают обязательными признаками субъективной стороны состава эвтаназии и соответственно оказывают решающее значение на квалификацию содеянного. Осуществление эвтаназии не может быть основано на иных мотивах. В частности, исключен корыстный мотив, например, получения вознаграждения за последующую трансплантацию органов жертвы. Подобные

мотивы, безусловно, должны расцениваться какотягчающее обстоятельство. В то же время мотивы и цели простого убийства обязательными признаками состава рассматриваемого преступления не являются.

Не идет речь об эвтаназии, когда стараются облегчить страдания какого-либо лица, находящегося в последней стадии тяжелой болезни, назначая ему медикаменты, которые лишь косвенным образом могут ускорить физиологический процесс умирания. В этом случае цель помочь умереть пациенту отсутствует, но налицо желание уменьшить его боль при помощи препаратов, которые лишь в качестве побочного эффекта способны ускорить приближения конца. Таким образом, смерть в данном случае является возможным последствием обезболивающей терапии. Не образует состава преступления по отключению от аппарата жизнеобеспечения, когда организм не может самостоятельно существовать (в данном случае нет просьбы, но нет и другого слагаемого лишения жизни т.к. сам организм уже мертв) [4]

Субъект предлагаемой нормы – общий, т.е. физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. Им может быть врач, медсестра, фельдшер или близкие родственники, иные лица. Хотя, в связи с этим возникает справедливый вопрос: если умерщвление осуществляет иной субъект, не медик, то может ли он адекватно оценить характер неизлечимости заболевания, наличие непереносимых мучительных страданий, а также невозможность избавления от них с помощью эффективного обезболивания? Эти вопросы в конкретных ситуациях, безусловно, должны стать элементами предмета доказывания. Если бы мы вели речь о декриминализации данного деяния, т.е. о юридической и фактической легализации эвтаназии, то в том случае единственным лицом наделенным правом ее осуществления, безусловно, был бы врач. Но поскольку мы говорим об уголовной ответственности за эвтаназию, хотя и более мягкую по сравнению с существующей, то, полагаем, что в качестве лиц, ее осуществляющих, могут выступать не только медицинские работники. Это подтверждает и практика. В ряде публикаций и телепередач широко освещались случаи применения медикаментозной эвтаназии, осуществляемой близкими по просьбе измученного болями больного.

Показателен так называемый в средствах массовой информации первый процесс об эвтаназии в России. После автомобильной аварии, произошедшей в феврале 2004 г., 32-летняя Н. оказалась полностью парализованной и могла лишь слегка шевелить одной рукой. Ее постоянно мучили сильнейшие боли в позвоночнике. Она просила знакомых помочь уйти ей из жизни. Как заявил на суде один из свидетелей - врач С., такое проявление депрессии для тяжелых больных вполне естественно и обычно проходит через несколько месяцев. Но 14-летняя соседка М. вместе со своей знакомой 16-летней К. решают выполнить просьбу Н., которая в награду за последнюю услугу якобы предлагает им забрать свои ювелирные украшения. Сначала они пытались умертвить Н., введя в вену жертвы 10 кубиков воздуха. Затем обмотали вокруг шеи женщины веревку, якобы по совету самой потерпевшей, и стали тянуть в разные стороны. После неоднократных и длительных сдавливаний наступила смерть Н. М. и К. забрали 11 золотых украшений погибшей и, сдав их через знакомого в ломбард, получили 4 775 рублей. Следствие квалифицировало действия М. и К. как убийство лица, находящегося в беспомощном состоянии, группой лиц по найму (п. "в", "ж", "з" ст. 105 УК РФ). Однако защита подсудимых утверждала, что девушками двигала не корысть, а желание помочь женщине, обреченной на жалкое существование. Разъясняя позицию государственного обвинения, представитель прокуратуры заявил, что в данном случае не может идти речь об эвтаназии. В странах, где эвтаназия разрешена по закону, для того, чтобы прекратить мучения человека по его просьбе, должны быть соблюдены несколько условий. Во-первых, получено подтверждение от психиатра о том, что больной, заявляя о своем желании умереть, отдает отчет своим словам. Во-вторых, безнадежность состояния больного должна быть подтверждена экспертами. К тому же лицо, которое совершает эвтаназию, не должно быть заинтересовано в смерти больного. О какой эвтаназии может идти речь, если Н., которую подростки душили в течение 10 минут, в какой-то момент пришла в себя и спрашивала: «Где я нахожусь?» [5]

Заслуживает поддержки и позиция другого представителя прокуратуры, который сказал: «Все сомнения должны трактоваться в пользу версии подсудимых. Хотя, на наш взгляд, об эвтаназии в данном случае речь идти не может. Жалостью здесь и не пахнет. В ходе следствия девушки рассказывали о произошедшем как об увлекательном приключении. Получив деньги, они потратили их на жвачку и кока-колу, а одной из подружек мимоходом рассказали, что убили человека». [6]

Действительно, для юристов понятна вся надуманность данной ситуации и попытка выдать ее за эвтаназию. В данном случае совершено убийство из корыстных побуждений. Весь характер действий подсудимых говорит об этом.

В современном уголовном законодательстве эвтаназия квалифицируется как убийство, совершенное по просьбе потерпевшего. Наличие такой просьбы не освобождает от ответственности за

убийство, но на наш взгляд, должно приводить к ее смягчению, что требует соответствующего закрепления в праве. В целом право на эвтаназию действующим законодательством Российской Федерации не предусмотрено, эвтаназия запрещена законом под угрозой наказания, что следует признать справедливым на современном этапе.

Список литературы

- 1 Ивченко О.С. Эвтаназия: Убийство по мотиву сострадания. - М.: Юрист, 2012. – С.211.
- 2.Капинус О.С. Право на жизнь: теоретические основы // "Черные дыры" в Российском законодательстве. 2006. №2. - С.35
3. Капинус О.С. Убийства: мотивы и цели. - М.: ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2014. – С.152.
- 4.Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. - М.: Норма. 2011. – С.121.
- 5.Романовский Г.Б. Теоретические проблемы права человека на жизнь: конституционно-правовое исследование: Дис. докт. юрид. наук // Г.Б. Романовский; Гос. НИИ системного анализа. Пенза, 2006. – С.231.
6. Чернышев Ю.А. Активная и пассивная эвтаназия // Юридические науки. 2015. №2. - С.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ: ИДЕОЛОГИЯ ИЛИ ДЕЙСТВИЕ?

Гришин М.О., Лебедева М.Л.

Российский государственный аграрный университет - МСХА имени К.А. Тимирязева

В XXI веке понятие «терроризм» приобрело особое значение. Именно терроризм является активно используемым способом решения политических конфликтов.

В террорологической литературе этому понятию было дано много определений. Одно из них интерпретирует террор как особую форму политического насилия, характеризующуюся жестокостью, целенаправленностью и кажущейся эффективностью [5]. Английский конфликтолог Б. Крозье считал, что терроризм, есть мотивированное насилие с политическими целями. [9].

Насилие действительно широко используется в политическом противоборстве. Ежегодно в мире происходит 20-80 вооруженных конфликтов [1, с.3]. Само слово «терроризм» в переводе с латинского «теггог» означает «страх, ужас».

В сборнике: "Терроризм: Теория и практика" (США) дается следующее определение понятию «терроризм», – это угроза использования или использование насилия для достижения политической цели посредством страха, принуждения или запугивания. Есть и другие, не менее наукоемкие определения терроризму и его месту в мировом политическом процессе [2, с.259-262]. Следует заметить, что «во многих работах фактически отождествляются понятия «терроризм» и «насилие». Это объясняется тем, что эти понятия «тесно связаны между собой, а проблема терроризма первоначально исследовалась именно в рамках общей теории насилия» [1, с.63].

Исходя из политико-экономического содержания сущности исследуемого нами понятия, терроризм представляется как осознанное, осмысленное, хорошо спланированное и воплощенное в жизнь действие, направленное на подрыв или полное уничтожение социально-экономической стабильности государства, а также народа, народов или группы этносов, проживающих на его территории.

Согласно точке зрения Жильцова Н.А. и Чердакова О.И. экономический терроризм является особой разновидностью насильственного воздействия на общество с целью его дестабилизации. Кроме того, они указывают, что идеология данного вида терроризма основана на деструктивных факторах, поскольку способна к разрушительному воздействию на экономические связи, бизнес-интересы, инвестиционную политику государства, причиняя вред развитию малого и среднего бизнеса [4].

Законодательно это понятие определено как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [6, ст.3].

Терроризм сегодня нельзя понимать так же, как в годы французской буржуазной революции, когда это понятие имело исключительно положительный оттенок. Нельзя рассматривать значение этого слова с позиции живших людей на рубеже XIX-XX веков, когда террористические группы для оправдания массовых убийств использовали принцип «пропаганды действия» в попытке донести свои идеи до общественности через шок и ужас, вызванные массовым кровопролитием [7].

Сегодня, слово терроризм необходимо рассматривать как обобщающий термин, включающий в себя такие террористические действия как политический, экономический и информационный терроризм. К такому выводу мы пришли на основе идей американского историка Дж. Хардмана, который помимо описания терминологии терроризма, указал, что «уничтожение собственности и оборудования, опустошение земель может в особых случаях рассматриваться как дополнительная форма террористической деятельности, представляя собой разновидность аграрного или экономического терроризма как дополнение к общей программе политического терроризма» [8, с.223].

В настоящее время нормативно-правовая база Российской Федерации основана на понимании терроризма, данного более 10 лет назад. Ранее террористические действия были направлены на ликвидацию объекта воздействия, его устрашение. Для того чтобы осуществить задуманное, террористам приходилось затрачивать много времени и ресурсов для успешной реализации своих действий. Сегодня, подобные действия, являются достаточно примитивными в своем применении и могут быть расценены, как последний заключительный этап всей террористической деятельности, направленной на граждан и правительство отдельно взятого государства.

Закономерно возникает вопрос о финансировании террористических групп, источниках, ресурсах и основных акторах экономического терроризма.

Ярко выраженной характеристикой субъекта экономического терроризма является наличие постоянного и несоизмеримо большого достатка. Каковы его источники?

Прежде всего, речь идет о вполне легальных (создание благотворительных фондов, разного рода общественных организаций и пр.) и нелегальных (наркобизнес, спекуляция на биржевом рынке и пр.) действиях, которые не только обогащают самих террористов, но и истощают тех, кто мог бы им противостоять, тем самым приобретая форму реальной (военной и экономической) угрозы. Кроме того, имеет место преднамеренное и целенаправленное финансирование иностранными организациями, которые заинтересованы в поддержании нестабильности в мировом политическом процессе.

Фундаментом такого рода действий представляется возможным обозначить конференцию 1944 года (США), на которой были созданы такие политические институты как Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР), а также создание Ямайской валютной системы (1976 год), особенностью которой стала отмена золотого стандарта и золотых паритетов, создание резервных валют и пр.

Любое «государство избирательно подходит к выбору политических технологий в рамках государственного построения, тех процедур и способов деятельности, которые направлены на достижение наиболее оптимальной и эффективной реализации целей и задач конкретного субъекта в определенное время и в определенном месте» [3, с.196-197].

В целях защиты политического и экономического суверенитета и безопасности российского государства необходимо обозначить следующие направления политического решения: 1) законодательно проработать содержание ст.3 Федерального закона «О противодействии терроризму», исключив явно прослеживающуюся связь трех понятий «идеология – практика – решения», наполнив данное определение понятием «действия», четко определив объект преступного деяния; 2) дополнить ст.3 Федерального закона «О противодействии терроризму» определением понятия «формы противоправных насильственных действий» (обозначить указанные формы необходимо в целях исключения простора мысли при вынесении судебного решения); следует заметить, что формы противоправных насильственных действий фактически перечислены в определении понятия «террористическая деятельность»; 3) дополнить содержание понятия «террористическая деятельность» такой формой противоправного насильственного действия как коррупция, четко определив его сущностное содержание, а именно взаимосвязь с терроризмом; 4) дополнить ст. 205 Уголовного кодекса РФ (Террористический акт) в ч.1 новым по характеру объектом преступления - экономическая безопасность Российской Федерации.

Список литературы

1. Залысин И.Ю. Насилие в политических конфликтах. Монография. М.: МГУП, 2008. 292 с.
2. Залысин И.Ю. Идеи Г. Торо о гражданском неповиновении и современный политический процесс // Пробелы в Российском законодательстве. 2013. № 5. С. 259-262.
3. Лебедева М.Л. Политическая конфликтогенность отношений «центр-регион» (на примере Французской Республики) // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. № 5. 2015. С. 196-198.
4. Отрасли права. Аналитический портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn---7sbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/17735> (дата обращения 28.01.2018).
5. Политическая наука: словарь-справочник (Виртуальное (электронное) учебное пособие) / Political Science: dictionary-directory (virtual (electronic) study guide): 1 CD-ROM. М.: ВНИИЦ, 2008. №50200800804.
6. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О противодействии терроризму» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017)// Собрание законодательства РФ, 13.03.2006, N 11, ст. 1146; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 31.12.2017.
7. Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри . М.: Изд-во Ультра. Культура, 2003. 264 с.
8. Hardman J.B.S. Terrorism: A Summing Up in the 1930s // The Terrorism Reader: A Historical Anthology. Ed. by Walter Laqueur. London, 1979. P. 229.
9. Crazier B. Time to get tough with terrorists reader's digest Plesentville. 1973. Ap. № 612.

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Овечин А.А.

Научный руководитель: **Ахмедов М.Н.**

Юридический институт ВлГУ им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Проблема борьбы с организованной преступностью является актуальной в любом обществе, не завися не от каких факторов. При этом комплекс мер по предупреждению и противодействию преступности должен осуществляться с учетом свойств, характерных для криминальных проявлений в современном обществе. Одним из основных таких свойств, является проявляемая тенденция изменений преступной деятельности в различные организованные формы и виды. Не последнее место в данном случае занимают организованные преступные формирования.

Организованная преступная группа является сложным негативным явлением, меры по ее предупреждению и нейтрализации не должны сводиться лишь к совокупности запретительных и карательных мер, предусмотренных уголовным законом, а по сути, должны иметь комплексный социально-правовой характер.

В криминологии данная совокупность мер обозначена как «меры общесоциальной профилактики» можно сказать, что это реформирование общественных отношений на началах гуманизма, свободы и социальной справедливости. Чем больше все стороны общественной жизни страны будут приближаться к названным общечеловеческим критериям, тем меньше в обществе будет социальных и экономических предпосылок для криминальных проявлений[1].

По нашему мнению, комплекс мер направленных на противодействие организованным преступным формированиям, должен нести в себе введение криминологической экспертизы законодательства. При этом, регламентировать порядок и специфику проведения данной экспертизы по отношению к нормативно-правовым актам различного уровня, в том числе с учетом особенностей того или иного субъекта нашего государства, посредством анализа мониторинговых исследований преступного состава регионов, проводимых соответствующими органами, с созданием единой картины изменения, прежде всего, криминального мира отдельного субъекта, а соответственно и всего государства.

Также, путем повышения эффективности профилактических мер, направленных на борьбу с преступностью в ее организованных формах, необходимо осуществлять криминологическое прогнозирование и мониторинг данных негативных процессов в современной России, используя имеющиеся статистические данные специальных подразделений по борьбе с организованными

преступными формированиями. Эти данные будут способствовать выявлению основных тенденций развития преступности в целом и выработке и принятию адекватных мер противодействия.

Комплексный подход к противодействию различным проявлениям организованной преступности, на наш взгляд, наиболее эффективно осуществлять посредством «программирования». Данный комплекс мер может выразиться в разработке единой программы по борьбе с организованной преступностью, которую целесообразно строить с учетом криминологических экспертных оценок распространенности данного явления, приобретения им новых криминологических, социально-негативных качеств. При этом, учитывая основополагающие положения данной стратегии, предлагается каждый год с учетом криминологической специфики того или иного региона разрабатывать свои программы с реальным экономическим обоснованием и финансовым обеспечением. Данный комплекс мер не должен носить обобщенный характер, а должен являться специфическим, конкретизированным в каждом субъекте РФ, ввиду того, что преступное поведение, да и криминальная специализация имеют свою специфику в каждом субъекте РФ. К данному комплексу следует также отнести меры, обеспечивающие взаимодействие между органами, осуществляющими борьбу с преступностью.

Реализация вышеуказанного спектра задач, в свою очередь, будет минимизировать криминальные проявления организованной преступности. Поэтому для решения данной проблемы необходимые базисные условия дополнены неким оттенком специальных мер воздействия.

[†] Концепция борьбы с организованной и коррупционной преступностью в России: Монография / В.Е. Эминов, С.В. Максимов. - М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2015. С. 21

Список литературы

1. Концепция борьбы с организованной и коррупционной преступностью в России: Монография / В.Е. Эминов, С.В. Максимов. - М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2015. - 80 с.
2. Мондохонов А.Н. Ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней): Научно-практический комментарий. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2011.
3. Преступность в истории человечества: Монография / Ю.М. Антонян, О.Ю. Звизжова. - М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2012. - 208 с.
4. Терроризм и организованная преступность [Электронный ресурс] : монография / [С. А. Солодовников и др.]; под ред. С. А. Солодовникова. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. - 247 с.
5. Топильская, Е.В. Криминология организованной преступности: Системный анализ [Электронный ресурс] : Монография / Е.В. Топильская. - М.: РАП, 2014. - 334 с.

ОСОБЕННОСТИ ОСВОБОЖДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ НАКАЗАНИЯ С ПОМЕЩЕНИЕМ В СПЕЦИАЛЬНОЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ЗАКРЫТОГО ТИПА

Ратинский А.В.

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск

Проблема подростковой преступности на протяжении длительного периода времени сохраняет свою актуальность как одна из наиболее сложнорешаемых в силу её комплексного характера. Негативные социальные процессы, сложная экономическая ситуация, недостаточная работа уполномоченных органов по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних способствуют совершению подростками преступных посягательств. Согласно данным судебной статистики только за первое полугодие 2017 года к уголовной ответственности привлечены 10 286 несовершеннолетних [5].

Вместе с тем, следует согласиться с мнением, что «при реализации уголовной ответственности и применении наказаний, в частности в виде лишения свободы, может создаться основание закрепления у несовершеннолетних лиц негативных, криминальных установок, ведь происходит их изъятие из привычной среды жизни, а в местах лишения свободы они находят криминальные связи» [4]. Действительно,

привлечение несовершеннолетнего к уголовной ответственности, назначение ему наказания в виде лишения свободы с дальнейшим его отбыванием в исправительном учреждении способно уже до достижения подростком возраста 18 лет обеспечить формирование криминальной направленности его личности. Учитывая указанное обстоятельство, Уголовный кодекс Российской Федерации [1] (далее – УК РФ) в ст. 92 предусматривает возможность освобождения несовершеннолетнего от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия, в том числе помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (далее – СУВУЗТ).

На основании ч. 2 ст. 92 УК РФ от наказания в целях исправления могут быть освобождены с помещением в СУВУЗТ несовершеннолетние, осуждённые к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести или тяжкого преступления, если при этом они нуждаются в особых условиях воспитания, обучения, требуют специального педагогического подхода.

Решение об освобождении несовершеннолетнего от наказания с его помещением в СУВУЗТ принимается судом после постановления обвинительного приговора в порядке замены назначенному подростку наказания в виде лишения свободы другим видом наказания (п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 [2]).

Из анализа положений ч. 1 ст. 87, ч. 6 ст. 88, ч. 2 ст. 92 УК РФ следует, что в СУВУЗТ по приговору суда могут быть помещены 3 категории несовершеннолетних, осужденных к наказанию в виде лишения свободы: 1) достигшие возраста 14 лет, но не достигшие возраста 16 лет, повторно совершившие преступление средней тяжести; 2) достигшие возраста 16 лет, но не достигшие возраста 18 лет, совершившие преступление средней тяжести; 3) достигшие возраста 14 лет, но не достигшие возраста 18 лет, совершившие тяжкое преступление.

Несовершеннолетние могут быть освобождены от наказания и помещены в СУВУЗТ лишь за совершение преступлений средней тяжести и тяжких преступлений. При этом законодатель закрепил в ч. 5 ст. 92 УК РФ перечень преступлений указанных категорий, при совершении которых рассматриваемая принудительная мера воспитательного воздействия не может быть применена.

Обстоятельством, наличие которого обязательно для принятия судом решения о помещения указанных категорий несовершеннолетних в СУВУЗТ, является их нуждаемость в специальном педагогическом подходе, особых условиях воспитания, обучения. Следует согласиться с мнением Н.Р. Косевича, полагающего, что «применение данной меры целесообразно, в частности, в отношении подростков, испытывающих постоянное отрицательное воздействие со стороны внешней среды; имеющих определенные психические аномалии, не исключающие вменяемости» [3]. Помимо того, о необходимости помещения несовершеннолетнего в СУВУЗТ могут свидетельствовать следующие факты: длительное нахождение несовершеннолетнего на учете в органах и учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, неоднократное совершение им противоправных деяний, наличие проблем с обучением, систематические пропуски учебных занятий, отсутствие положительных результатов проводимой профилактической работы.

Срок, на который несовершеннолетние могут быть помещены в СУВУЗТ, не зависит от срока назначенного наказания в виде лишения свободы. Законодатель предусмотрел, что подросток может быть помещен в СУВУЗТ до достижения им восемнадцатилетнего возраста, вместе с тем, общий срок содержания в указанном учреждении не должен превышать трех лет. Таким образом, в СУВУЗТ по приговору суда не могут быть помещены лица, совершившие преступление в несовершеннолетнем возрасте, однако достигшие на момент постановления приговора совершеннолетия.

Формулировка ч. 2 ст. 92 УК РФ прямо указывает на то, что помещение несовершеннолетнего в СУВУЗТ является принудительной мерой воспитательного воздействия. Вместе с тем, в ч. 2 ст. 90 УК РФ, определяющий исчерпывающий перечень мер принудительного воздействия, которые могут быть применены к несовершеннолетним, обозначенная в ч. 2 ст. 92 мера не упоминается.

Анализ ч. 2 ст. 90 УК РФ позволяет, на первый взгляд, сделать вывод о том, что помещение подростка в СУВУЗТ является разновидностью принудительной меры воспитательного воздействия в виде передачи несовершеннолетнего под надзор специализированного государственного органа. Так, Т.А. Савина, рассматривая вопрос о необходимости нормативного закрепления вида специализированного государственного органа, под надзор которого передаются несовершеннолетние в соответствии с п. «б» ч. 2 ст. 90 УК РФ, пришла к заключению, согласно которому закон под данным органом подразумевает СУВУЗТ: «можно сделать вывод, что законодатель все-таки определил тот специализированный государственный орган, в который можно направлять несовершеннолетних преступников. В части 2 статьи

92 УК РФ отмечено, что только несовершеннолетние, совершившие преступления средней тяжести и тяжкие, могут быть туда направлены» [4].

Вместе с тем, представляется, что помещение несовершеннолетнего в СУВУЗТ является самостоятельной принудительной мерой воспитательного воздействия, никоим образом не относящейся к мере, закрепленной в п. «б» ч. 2 ст. 90 УК РФ. Если следовать указанной ранее логике, то тогда получается, что несовершеннолетний может быть освобожден от уголовной ответственности с помещением в СУВУЗТ и в случае совершения преступления небольшой тяжести, поскольку ч. 1 ст. 92 УК РФ закрепляет возможность применения к таким подросткам принудительной меры воспитательного воздействия в виде передачи под надзор специализированного государственного органа, к которому, по мнению некоторых ученых, относится СУВУЗТ.

В связи с этим необходимо обратиться к позиции Верховного суда Российской Федерации, согласно которой «специализированным государственным органом, которому в соответствии со статьей 90 УК РФ может быть передан под надзор несовершеннолетний, является комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав» (п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 [2]).

Таким образом, в уголовном законе имеются противоречия между положениями ч. 2 ст. 90 УК РФ, закрепляющими виды принудительных мер воспитательного воздействия, и ч. 2 ст. 92 УК РФ, дополнительно предусматривающей в качестве такой меры помещение в СУВУЗТ. Разрешить данный пробел возможно путем внесения изменений в редакцию ст. 90 УК РФ, добавив в ч. 2 указанной статьи отдельную принудительную меру воспитательного воздействия в виде помещения в СУВУЗТ, при этом закрепив условие, что она будет применяться лишь при наличии оснований, указанных в ч. 2 ст. 92 УК РФ.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета, N 29, 11.02.2011.
3. Косевич Н.Р. Уголовная ответственность несовершеннолетних в нормах российского законодательства как реализация дружественного к ребенку правосудия // СПС КонсультантПлюс. 2013.
4. Савина Т.А. О необходимости нормативного закрепления в Уголовном кодексе РФ вида специализированного государственного органа, в который передаются под надзор несовершеннолетние лица в целях реализации принудительной меры воспитательного воздействия // Вопросы ювенальной юстиции. 2015. N 4. С. 22 - 24.
5. Данные судебной статистики за 1 полугодие 2017 г. [Электронный ресурс]: статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4152>. (дата обращения: 21.01.2018).

ПОНЯТИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА

Сури́н М.П.

Смоленский государственный университет, г. Смоленск

На сегодняшний день существует мнение, что права человека, а также его свободы являются универсальной категорией, отражающие требование к нему, как к личности. Согласно статье 2 Конституции Российской Федерации «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства».[1] Уголовный закон направлен на реализацию и соблюдение статьи 2 Конституции Российской Федерации, а также других ее статей в области прав и свобод человека и гражданина. Однако статья 110 Уголовного Кодекса Российской Федерации не может однозначно разъяснить, о какой ценности человека идет речь.

Если обратиться к толкованию немецких философов о правах и свободах человека, то они отмечают, что основной целью государства должна стать защита и реализация таких прав. Если же

государство не справляется со своей задачей по обеспечению социальных потребностей человека, то возникает такое социальное явление как самоубийство.

В российском уголовном законе не предусмотрена ответственность за склонение или содействие в самоубийстве. Н.Е. Крылова, считает необходимым привести в соответствие Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан и УК РФ, установив уголовную ответственность за склонение к самоубийству. Это было бы важным дополнением, поскольку общественные отношения развиваются, и необходимо каким-то образом регулировать это развитие.

Законодатель утверждает, что согласно статье 110 Уголовного кодекса Российской Федерации ответственность возникает только за «Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего»[2]

Деяние, предусмотренное статьей 110 Уголовного Кодекса РФ, является общественно опасным и влияет на нормальное функционирование общественных отношений. В данном случае предусмотрена ответственность только лишь за такое доведение до самоубийства или покушения на самоубийство, которое было осуществлено путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства. Все это имеет место быть, однако данных формулировок недостаточно. Вследствие развития общественных отношений, возникают все новые и новые способы, благодаря которым человека можно склонить к совершению самоубийства.

У каждого народа существует известная коллективная сила, толкающая человека на самоубийство. Рассмотрим обычаи некоторых народов, которые существовали ранее. Например, Хакакири- ритуальное самоубийство, смысл которого во вспарывании живота кинжалом для того, чтобы показать свою чистоту и незапятнанность своих мыслей, личных и истинных намерений, мужества, отсутствия страха и боли в доказательство своей правоты, крайняя мера оправдания себя перед небом, людьми и правителем, ведь хакакири было распространено среди воинов, попавших в недоверие правителя и общества в целом. Это можно считать доведением до самоубийства, так как общество нагнетает обстановку, ждет доказательств, для того чтобы к тебе относились как к честному человеку, считая хакакири почетным поступком для воина, поставившего свое поведение под сомнение. Данный вид самоубийства характерен для японской культуры, культуры стыда, как определяют ее исследователи. Основными чертами являются: полное спокойствие, и никаких следов самопринуждения. Если это не самопринуждение, то по логике - чужое принуждение, человек поступает так, как хотят от него другие. Личность в этой стране находится в наибольшей зависимости от общества, и принесение себя в жертву ради других отличает именно японского человека.

В разных культурах существовала традиция - «самоумирание», под которой понимали, самовольный уход из жизни в день похорон мужчины. Самоумирание совершали люди, находящиеся в зависимости от данного мужчины (смерды, но в основном жена умершего). Считалось, что женщина, которая вступила в брак, обязана сопровождать своего мужа как в жизни, так и после смерти, т.е. умереть вместе с супругом. Уходом из жизни служили обычаи, правила народа, которые влияли, обязывали и требовали совершить самоумирание. Человек был обречен, у него не было права выбора. Такие обычаи, по существующему мнению, и есть доведение до самоубийства.

Если взять наше время, в теории уголовного права отсутствует единое понимание природы общественной опасности такого деяния. Ряд ученых ссылаются на зависимость общественной опасности от внешних деяний, другие на свойства лица, а третьи на вредные последствия деяния, но все сходятся на том, что общественная опасность, это основополагающий признак любого преступного деяния.

Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор А.И. Рарог дает следующее определение: «Общественная опасность – материальный признак преступления, выражающий социальную сущность данного юридического понятия ... это имманентное объективное свойство (качество) преступления, означающее способность причинять существенный вред общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона».[3]

Общественная опасность содержит в себе качественную (характер общественной опасности) и количественную (степень общественной опасности) сторону. Таким образом, общественную опасность можно обозначить как явление, характеризующее преступление как деяние, представляющее угрозу для нормального функционирования общественных отношений, подлежащих защите государством. Общественная опасность доведения до самоубийства крайне значительна, так как деяние посягает на жизнь другого человека, которая гарантируется каждому человеку в соответствии со статьей 20 Конституции РФ.

Доведение до самоубийства как общественное явление опасно, по следующим причинам: латентность, необратимость последствий.

Латентность. Сложность в доказывании причинной связи между деянием и наступившими последствиями приводит к тому, что преступные деяния признают актом суицида, который не является уголовно наказуемым, и виновный уходит от наказания. Регистрация совершенных преступлений осуществляется правоохранительными органами, на основе зарегистрированных данных составляются статистические отчеты о преступности, но такую уголовную статистику нельзя считать верной без учета латентной преступности. Для установления объема реальной, фактической преступности очень важно исследовать и выявлять латентные преступления, в том числе на флоте и в армии. Высокую латентность в армии в большинстве случаев считают:

1. Вымогательство и хищение денег или материальных ценностей.
2. Неуставные взаимоотношения.
3. Преступления, связанные с применением насилия.
4. Оскорбление сослуживцем или начальником.
5. Превышение должностных полномочий.

По мнению некоторых авторов, нарушения, связанные с уставными правилами взаимоотношений между военнослужащими, происходящими в воинских частях, регистрируются в том случае, если командование не может их скрыть в связи с последствиями деяний.

Нельзя не рассмотреть доведение до самоубийства в местах лишения свободы, которое так же носит латентный характер. За счет места совершения преступления и содержания преступного деяния образуется самостоятельная разновидность преступлений. Преступность в местах лишения свободы можно разделить на:

1. Преступные деяния, совершаемые администрацией учреждения.
2. Преступные деяния, совершаемые лицами, отбывающими наказания в виде лишения свободы.

Суицид и доведение до самоубийства в местах лишения свободы в большей мере определяется тем, что осужденным свойственна: повышенная тревожность, беспокойство, боязнь общественного порицания и угрозы со стороны окружающего мира, страхи, большой срок наказания и долгое время пребывания в замкнутом пространстве, вследствие чего они постоянно находятся в напряжении. Так, по мнению М.Ф. Костюка[4] и М.Н. Жарких[5] одним из примеров преступности осужденных в исправительных учреждениях являются преступления против личности, а именно убийства и доведение до самоубийства.

В последние годы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы были проведены мероприятия, направленные на профилактику суицидального поведения среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Был осуществлен перевод психологов на двухсменный график работы, обеспечена психодиагностика подозреваемых и обвиняемых в карантинных отделениях следственных изоляторов, организованы занятия по обучению сотрудников выявлению признаков поведения, указывающих на наличие высокого риска самоубийства. Благодаря этим мерам уровень суицидов среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных снизился и во многих территориальных органах ФСИН России находился ниже среднего показателя. В то же время в некоторых территориальных органах ФСИН России средний уровень суицидов был превышен. Исходя из социально-демографической и криминологической характеристик суицидентов, было выявлено, что особого внимания требуют лица, повторно осужденные за совершение преступлений корыстно-насильственной и насильственной направленности, в возрасте от 25 до 40 лет.

Одной из основных причин, способствующих возможности совершения суицидальных действий, является формальное исполнение указаний ФСИН России об организации своевременной передачи информации, в частности, при получении осужденными негативных известий из семьи, имеющих для них большое значение, при отказе в условно-досрочном освобождении, возникающих в среде осужденных конфликтах и т.п. Также совершение суицидов становится возможным в результате халатности, проявляемой сотрудниками исправительных учреждений и следственных изоляторов. Наличие психических отклонений, в том числе осложненных наркотической или алкогольной абстиненцией, не позволяет подозреваемым, обвиняемым и осужденным адаптироваться к условиям изоляции, что приводит к появлению у них отрицательных психических состояний, глубоких депрессий и зачастую является причиной совершения аффективных самоубийств.

Причиной роста числа самоубийств в 2016 году на 57% стали «группы смерти», чему способствует рост «групп смерти» в социальных сетях, информация о которых стала активно обсуждаться в обществе в

мае 2016 года после публикации «Новой газеты». По статистике в 2016 году 720 несовершеннолетних совершили самоубийство, причем в эти данные не включены неудавшиеся попытки суицида[6].

Необратимость последствий. На протяжении долгого времени в России крайне редко использовалась норма об ответственности за доведение до самоубийства. В 1993 - 1996 гг. количество доведений до самоубийства от общего числа преступлений против личности составляло 0,3%. С середины 90-х годов, количество зарегистрированных преступлений увеличивалось. Уже в 2000 г. было зарегистрировано 90 преступлений, 59 дел по которым были окончены; расследования выявили 56 лиц, совершивших преступление. В 2003 г. зарегистрировали 142 преступления, а в 2005 г. - 176. Так почти за десять лет число зарегистрированных преступлений, выросло примерно в два раза, что говорит о росте зарегистрированных преступлений, связанных с доведением до самоубийства. В современной России, уголовные дела по преступлениям, предусмотренным ст. 110 УК РФ, практически отсутствуют.

На федеральном уровне число преступлений, квалифицируемых по статье 110 УК РФ и доля лиц, осужденных за данные общественно опасные деяния, невелико. Так, в 2013 году по статье 110 УК РФ было осуждено 17 человек. Из них к лишению свободы — 7 человек. Условное осуждение -10 человек. В 2014 году за доведение до самоубийства было осуждено 33 человека, среди которых 18 человек было приговорено к лишению свободы. Условное осуждение получили 15 осужденных. Фактически доведение до самоубийства это дело публичного обвинения, без наличия заявления потерпевшего (при покушении на самоубийство) или его родственников, выявить которое довольно сложно.

Рассмотрев социальную обусловленность доведения до самоубийства можно сделать следующие выводы:

1. Доведение до самоубийства представляет собой деяние с высокой общественной опасностью, которая состоит в том, что данное негативное явление обладает высокой латентностью, сложно - доказуемо, а также несет в себе необратимые последствия, негативно сказывающиеся на жизни общества.

2. В связи с небольшим количеством преступлений, регистрируемых по ст. 110 УК РФ, в совокупности всех преступлений против личности, этот состав актуален в современной уголовно-правовой системе и его использование на практике не является чем-то исключительным.

¹ Конституция Российской Федерации(12.12.1993) раздел 1 глава 1 статья 2

² "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017)

³ Уголовное право России. Части общая и особенная: учебник / Журавлев [и др.]; под ред. А.И. Рарога. - 7-е изд., перераб. и доп.- М.: Проспект, 2012. с. 33.

⁴ Костюк М.Ф., Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. с. 9 - 10.

⁵ Жарких М.Н. Преступность среди осужденных в исправительных учреждениях и меры ее предупреждения: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. с. 16

⁶ <http://tass.ru/obschestvo/4018394>

Список литературы

1. Жарких М.Н. Преступность среди осужденных в исправительных учреждениях и меры ее предупреждения: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. с. 16
2. Журавлев [и др.]; под ред. А.И. Рарога. - 7-е изд., перераб. и доп.- М.: Проспект, 2012. с. 33. / Уголовное право России. Части общая и особенная: учебник
3. Конституция Российской Федерации(12.12.1993) раздел 1 глава 1 статья 2
4. Костюк М.Ф., Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. с. 9 - 10.
5. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017)

СЕКЦИЯ №7.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

У ИСТОКОВ ПРОГРАММЫ ЗАЩИТЫ СВИДЕТЕЛЕЙ: США И РОССИЯ

Акберова Р.В.

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Правительство РФ не раз поднимало вопрос о развитии программы государственной защиты, уделяя внимание безопасности свидетеля. Однако закон о программе защиты свидетелей был принят лишь в 2004 г. Федеральным законом № 119-ФЗ от 20 августа 2004 г. В уголовное судопроизводство были введены меры безопасности для защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. На момент принятия данного закона в России федеральная программа по защите свидетелей в США действовала уже более 30 лет. Удалось ли России обойти США в развитии программы защиты свидетелей, стоит изучить подробнее.

Идея создания программы по защите свидетелей в США в 1960 г. была предложена Юридическим Департаментом по борьбе с организованной преступностью. Сама программа появилась позднее, в 1970 г., начала свою реализацию в 1971 г. На сегодняшний день по этой программе предоставляется защита более чем 8600 свидетелям и 9900 членам их семей, которые за это время получили 24-х часовую охрану, новые документы, сменили место жительства и получили всю необходимую медицинскую помощь, вплоть до проведения пластических операций. Таковы сведения, предоставленные официальным сайтом судебных исполнителей США, а конкретно руководителем программы по защите свидетелей Дэвидом Харлоу [2]. При этом Геральд Шур, создатель программы, уточняет, что не все граждане, подпадающие под программу защиты свидетелей в США, являются законопослушными гражданами, из них 95% американцев, являются нарушителями закона, либо находятся в тесной связи с криминалом.

Проблемы, возникающие в США у свидетелей при вступлении в программу, вполне логичны: как быть с водительскими правами, социальными картами, страховкой, работой, своим домом? Выплаты, которые предоставляет программа, не являются постоянными, а лишь позволяют покрыть короткий период времени, необходимый для поиска работы на новом месте. Программа придерживается простой формулы: жизнь в большом городе стоит дороже, поэтому она предполагает переселение в небольшие города удаленных штатов [1].

В России первые шаги по созданию программы государственной защиты были предприняты в ст. 2 Конституции РФ, где защита прав и свобод человека и гражданина входит в обязанность государства, а ст. 45 гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина РФ. Базой же для обеспечения безопасности лиц в уголовном судопроизводстве послужила ст. 11 УПК РФ «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве», ч. 3 которой предусматривает, что при наличии достаточных данных об угрозе безопасности, компетентными органами должны быть приняты необходимые меры в защиту лиц, принимающих участие в уголовно процессе. Данные нормы послужили отправной точкой для принятия Федерального закона № 119-ФЗ от 20 августа 2004 г. «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

В 2007 г. был издан Приказ МВД России № 281, который утвердил Административный регламент по исполнению государственной функции обеспечения государственной защиты судей, должностных лиц, участников уголовного судопроизводства и их близких. Функция обеспечения безопасности участников судопроизводства первоначально лежала на подразделении по борьбе с организованной преступностью. Однако уже в 2008 г. Указом Президента РФ данное подразделение было расформировано. На базе подразделения был создан отдел по обеспечению безопасности лиц, которые подлежат государственной защите [3, с. 22].

На сегодняшний день в России действует Постановление Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014-2018 годы»». Согласно данной программе, общий объем ассигнований федерального бюджета составил 1405,55 млн. рублей. Лишь на 2017-2018 годы правительство выделило 280 млн. рублей на каждый год для обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства. Такие большие траты связаны с актуальностью проблемы, проверенной на практике при реализации программы государственной защиты на 2009-2013 годы, количество участников которой составило около 10 тыс. человек. Предполагается, что с к 2018 году количество участников составит около 20 тыс. человек. Динамика роста количества защищаемых

лиц указывает на факт необходимости развития программы. Приоритетами программы выступают повышение доверия к органам безопасности, предотвращение посягательств на защищаемых лиц, повышение эффективности уже задействованных мер безопасности.

Важно отметить тот факт, что в России процесс реализации данной программы возложен на несколько ведомств, таких как МВД РФ, ФСБ РФ и ФСИН РФ. Между тем, хорошо известно, что если реализация одних и тех же задач возлагается на разные органы, ответственность размывается, и вместо достижения цели можно получить обратный результат [6, с. 100]. Поэтому при таком количестве министерств, задействованных в решении данного вопроса, сам факт взаимодействия ставится под сомнение, т.к. четкость механизма исполнения почти невозможна.

В сравнении с Россией, в США вопрос безопасности свидетелей и потерпевших находится под юрисдикцией Службы маршалов США, насчитывающей более десятка региональных представительств и офисов в каждом городе. Решение о необходимости принятия мер безопасности лежит на Генеральном прокуроре. Несомненно, нахождение программы в единых «руках» Службы маршалов позволяет более четко выработать механизм реализации, соблюдая Свод Законов США. Данный факт позволяет в полной мере отслеживать как процесс осуществления программы, так и дальнейшую жизнь участников по ее окончании.

В США из предложенных параграфом 3521 Сводов Закона мер безопасности предпочитают перемещение лица в безопасное место. Несомненно, такая мера имеет и свои минусы, учитывая затратность данного предприятия. Более того, обращая внимание на то, что 95% свидетелей являются лицами «вне закона», сам факт предоставления им такого рода защиты ставится под сомнение [5, с. 252].

Проведя сравнительный анализ реализации программы США и России, нельзя не отметить наличия в США «индульгенции» на ранее совершенные преступления. Речь идет об отмене уголовного наказания за предоставление необходимой информации. Кроме того, в США такому свидетелю предоставляется место жительства со сменой документов. Наличие такого обмена скорее отменяет сам факт правосудия, чем ставит под сомнение истинные намерения уголовного судопроизводства США. В России же подобное нарушение законодательства не предусмотрено.

Анализируя программу защиты свидетелей, стоит отметить основные слабые места, характерные для данных программ и в США, и в России. В законодательстве обеих стран не предусмотрены четкие критерии отбора свидетелей для участия в программе защиты; не представлен договор с указанием прав и обязанностей обеих сторон программы; бюджет программы не позволяет в полной мере осуществлять все меры безопасности, предусмотренные Федеральным законом № 119-ФЗ. Нельзя обойти стороной и факт лжесвидетельства, который присутствует при реализации программы [4, с. 167].

На сегодняшний день программу защиты свидетелей нельзя назвать достаточно разработанной: и в США, и в России главной проблемой реализации данной программы выступает финансирование. Затраты на обеспечение мер безопасности настолько высоки, что зачастую не выполнимы. Перемена места жительства является наиболее затратной в России [7, с. 51], однако более актуальна в США. Обеспечение охраной является мерой более популярной в России, но она не может дать долговременные гарантии обеспечения безопасности участникам уголовного судопроизводства.

Значимость программы защиты свидетелей, безусловно, важна, что требует ее дальнейшего совершенствования. Несмотря на значительные недоработки в осуществлении программы и в США, и в России количество лиц, заинтересованных в участии в программе защиты свидетелей, увеличивается с каждым годом. Желание свидетелей принять участие в программе позволяет следственным органам осуществлять свою деятельность в более сжатые сроки. Свидетели с большим желанием принимают участие в уголовном судопроизводстве, будучи уверенными в государственной защите. Тем не менее, вопрос реорганизации в программе защиты свидетелей обеих стран остается открытым.

Список литературы

- 1 Inside the witness protection program. CNN [электронный ресурс]. URL: <http://edition.cnn.com/2013/02/16/justice/witness-protection-program/index.html>.
- 2 U.S. Marshals Service / Justice. Integrity. Service [электронный ресурс]. URL: <http://www.usmarshals.gov/witsec/>.
- 3 Баженов С.В., Важенин В.В. Об обеспечении безопасности лиц, подлежащих государственной защите // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1 (52). С. 21–24.

- 4 Волосова Н.Ю., Журкина О.В. Сколько стоит жизнь под псевдонимом: критический взгляд на программу защиты свидетелей // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 11. С. 162–171.
- 5 Журкина О.В. Сравнительный анализ государственной программы защиты свидетелей в России и США // Вестник ОГУ. 2014. № 4 (165). С. 249–253.
- 6 Корнакова С.В. Логические основы уголовно-процессуального доказывания. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. 188 с.
- 7 Фасхутдинова Р.Д., Кручинин В.Н. Ответственность государства при осуществлении защиты свидетелей и потерпевших // Научно-исследовательские публикации. 2014. № 6 (10). С. 45–57.

БЕЗОПАСНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ УГРОЗА?

Ертаханов П.П.

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Переводчик, обладая процессуальным статусом в уголовном процессе, приобретает необходимые права и обязанности, позволяющие ему стать полноправным участником уголовного судопроизводства. Статья 59 УПК РФ указывает основные права, которые закреплены за переводчиком, не выделяя безопасность переводчика в качестве отдельного права, требующего особых пояснений.

Безопасность переводчика, как участника уголовного процесса, затронута в ст. 9 УПК РФ об уважении чести и достоинства личности. В ст. 11 УПК РФ идет речь об охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе, где в ч. 3 указано, что определенные органы обязаны принять необходимые меры безопасности в пределах своей компетенции. Тем не менее, данная мера возможна лишь при «достаточных данных», но законодателем не указано, какие именно данные стоит понимать под «достаточными» для применения мер безопасности, оставив этот вопрос на усмотрение суда, прокурора, следственных органов и других уполномоченных на то лиц. Если же речь идет об участии в следственных действиях, то стоит обратить внимание на ч. 4 ст. 164 УПК РФ, согласно которой недопустимо применения насилия, угроз и иных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья [3]. Однако, стоит напомнить, что никто не может заранее определить будет ли опасна та или иная ситуация для переводчика во время следственных действий.

Все права, предусмотренные УПК РФ в отношении переводчика в уголовном судопроизводстве, направлены на беспрепятственное осуществление перевода, что позволяет переводчику реализовать свое прямое процессуальное предназначение. Переводчик выступает в роли третьего лица при осуществлении диалога между следователем (дознавателем) и иным участником судопроизводства, не владеющим языком судопроизводства. Роль переводчика заключается в необходимости тесного сотрудничества с иными участниками для осуществления компетентного перевода. Данный факт не позволяет избежать рассекречивания личности переводчика, что зачастую может привести к нарушению закона о неправильном переводе со стороны переводчика и закона о правах и свободах гражданина в уголовном судопроизводстве.

Фигура переводчика, согласно Федеральному Закону № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», относится к группе лиц, подлежащих государственной защите, что указано в п. 5 ч. 1 ст. 2. Эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также участвующие в уголовном судопроизводстве педагог и психолог имеют право на предоставление мер безопасности [6], однако, деятельность данных лиц различна, что указывает на невозможность их объединения в одну группу.

Меры безопасности, предусмотренные для участников судопроизводства, в том числе и переводчика, включают возможность переселения на другое место жительства, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице и изменение места работы. Данные пункты, несомненно, являются далеко не всеми мерами государственной безопасности, предусмотренные законодателем, но именно они зачастую невозможны в применении на практике по отношению к переводчику.

Стоит обратить внимание на тот факт, что национальные организации, созданные в других странах, таких как США, Австралия, Германия, придерживаются «Хартии переводчика», принятой Конгрессом в Дубровнике в 1963 г. Международная федерация переводчиков на данном конгрессе рассмотрела права и обязанности переводчика, уточнив отдельные аспекты работы переводческих организаций. В ст. 33 Хартии

отмечено, что переводческие организации, сотрудничающие с Международной федерацией переводчиков, имеют право на защиту материальных и моральных прав переводчиков на международном уровне [7].

На сегодняшний день в России отсутствуют организации, способные предоставить квалифицированных специалистов в области юридического перевода, что не позволяет переводчикам в полной мере пользоваться правами и обязанностями, предусмотренными Хартией. Более того, при осуществлении международного сотрудничества, и предоставлении переводчика одной из стран, вопросы обязанностей, прав и конкретно безопасности переводчика, оговариваются индивидуально.

Углубляясь в работу переводчиков в области отдельных языковых групп, важно обратить внимание на цыганский язык. Проблематика работы переводчика с этого языка достаточно ясна, особенно с позиции обеспечения безопасности. Зачастую переводчик приглашается из той же общины, в которой проживает участник, которому необходима помощь в переводе. Обеспечение безопасности переводчика при работе в таких условиях оказывается невозможным, т.к. его личность уже является раскрытой. Более того, определить факт давления со стороны какого-то лица на переводчика бывает просто невозможно.

Цыганский язык, как и многие языки малых народностей, обладает так называемым «тайноречием». Тайный язык позволяет не только угрозами склонять переводчика к совершению правонарушений, но и запутывать перевод в целом. Существует опасность прямого или косвенного давления на переводчиков со стороны заинтересованных лиц, что приводит к самоотводу переводчика от участия в уголовном процессе. Несомненно, для работы с цыганским языком должен привлекаться компетентный переводчик, знакомый с культурой цыган, и способный противостоять воздействию либо давлению со стороны носителя данного языка [2, с. 63].

Давление на переводчиков может оказываться и со стороны защитников подсудимых или обвиняемых. В таких случаях переводчики просто могут не явиться на процесс, что приводит к затягиванию рассмотрения уголовного дела и нарушению прав участников уголовного судопроизводства [1, с. 126; 5, с. 396].

В качестве помощника в определении давления на переводчика может выступать технический прогресс, а конкретно электронный переводчик, оснащенный программой распознавания языка, что позволяет переводить фразы с возможностью прослушивания. Следственные органы США ввели электронный переводчик в список технических средств, разрешенных для использования в процессе следственных действий. Электронный переводчик обладает двумя важными функциями, которые могут быть полезны уголовному судопроизводству: проверка компетенции переводчика на месте путем сравнения его перевода с «техническим» переводом, а также контроль процесса работы переводчика. В.А. Родвиллина и С.Г. Загорьян предлагают ввести следующее дополнение в ст. 5 УПК РФ, дав определение термину «электронный переводчик»:

«Электронный переводчик – сертифицированное техническое средство, оснащенное сертифицированным программным обеспечением, позволяющим распознавать речь, осуществлять перевод с языка, и озвучивать произнесенные фразы, а так же обратно переводить тексты с возможностью прослушивания переведенного текста, применяемое по усмотрению дознавателя, следователя, прокурора и суда» [4, с.22].

Использование электронного переводчика позволит не только подтвердить в последствие на суде невозможность нарушения конституционных прав участника расследования, но и позволит провести проверку знаний переводчика, если такая необходимость возникнет. Именно электронный переводчик позволит следственным органам или суду принять решение о необходимости назначения мер безопасности в отношении переводчика, осуществляющего помощь по определенному уголовному делу.

К техническим средствам, позволяющим выявить факты нарушения безопасности переводчика в уголовном процессе, стоит отнести также видео- и аудио-фиксацию, позволяющие фиксировать переводческий процесс, в дальнейшем анализируя работу переводчика. Анализ позволяет выявить возможное давление со стороны участника, не владеющего языком судопроизводства, на переводчика. При всех плюсах данного технического оснащения, работа по анализу перевода производится лишь в случаях, когда появляются предпосылки к искажению перевода со стороны переводчика. Самоотвод переводчика так же может послужить причиной для изучения видео- и аудио-материалов. Если же деятельность переводчика не вызывает сомнения, исследование технических средств не производится.

Технические средства позволяют выявить способы давления либо внушения со стороны заинтересованного лица, но лишь сам переводчик может с точностью определить, какая опасность ему угрожает. Именно будучи профессионалом в области юридического перевода, переводчик понимает всю

ответственность, возлагаемую на него следствием и судом, что не позволяет ему скрывать информацию, способную исказить весь ход уголовного дела.

Список литературы

1. Винников А.В. Национальные языки, судебный перевод и правоприменение // Современное право. 2013. № 7. – С. 122-128.
2. Винников А.В. Проблемы компетентности переводчика в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. № 2 (19). С. 60-66.
3. Права переводчика в уголовном процессе. Официальный сайт Прокуратуры Калужской области. [сайт]. URL: <http://prokuror-kaluga.ru/razyasnenie-7016.html>.
4. Родивилина В.А., Загорьян С.Г. Участие иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве России // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 1 (72). С. 19-23.
5. Участники современного российского уголовного судопроизводства / отв. ред. Р.В. Мазюк; науч. ред. И.В. Смолькова. М.: Юрлитинформ, 2017. 440 с.
6. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Система Гарант.
7. Хартия переводчика // Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова. URL: <http://onu.edu.ua/pub/bank/userfiles/files/isn/metodinter/Хартияпереводчика.doc>.

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ПРЕОДОЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ ОШИБОК

Поташов Н.А.

Смоленский государственный университет, г. Смоленск

Моделирование представляет собой общенаучный чувственно-рациональный метод познания, состоящий в исследовании объектов на моделях, воспроизводящих оригинал материально либо мысленно [8, с. 9]. Сущность данного метода заключается в замене исследуемого объекта его моделью и анализе этой модели с последующим экстраполированием полученных результатов на познаваемый объект [5, с. 16]. В научной и практической деятельности моделирование используется, когда прямое (непосредственное) исследование фактов (явлений) невозможно либо нецелесообразно.

Моделирование традиционно изучалось уголовно-процессуальной доктриной и рассматривалось ею в рамках процесса доказывания обстоятельств преступления в качестве общего метода уголовно-процессуального познания [4, с. 57]. Моделирование воспринималось главным образом как метод, который используется на стадии расследования уголовных дел с целью воспроизведения ситуации совершенного преступного деяния, отдельных его стадий, действий различных причастных к нему лиц. Данный метод применительно к уголовному судопроизводству состоит, по мнению Т.С. Волчецкой, в создании материальной либо мысленной модели, которой присуще необходимое для исследования сходство с оригиналом, находящимся в уголовно-процессуальной сфере, и в последующем исследовании указанной модели в качестве средства получения необходимой для раскрытия и расследования преступлений криминалистически значимой информации [3, с. 122].

Моделированию в правоприменительном процессе присуще главным образом методологическое значение. Метод моделирования также снискал широкое применение в состязательном процессе с целью обеспечения законности и обоснованности будущих судебных решений в условиях возникновения проблемных судебных ситуаций либо угрозы их возникновения [2, с. 256].

С целью повышения эффективности судебного правоприменения В.И. Фалеев предлагает использовать моделирование в качестве метода преодоления судебных ошибок [9, с. 72].

В процессе ознакомления с уголовным делом и подготовки к судебному следствию судье надлежит вникнуть в суть собранных органом предварительного расследования материалов дела, попытаться узреть в них ситуации, с которыми пришлось столкнуться следователю (дознавателю), и мысленно представить трудности, могущие появиться в ходе судебного следствия. Такой подход предоставляет судье возможность заблаговременно определить тактические приемы, которые надлежит использовать в ходе судебного следствия, а также предостерегает от разных внезапностей, позволяет восполнить пробелы, образовавшиеся

на предварительном расследовании, если таковые имелись по каким-либо причинам.

Так, П.О.А., реализуя свой преступный умысел, направленный на хищение денежных средств, принадлежащих ООО «Т.», используя свое служебное положение генерального директора, по надуманным основаниям дала устное распоряжение главному бухгалтеру ООО «Т.» ФИО11 перевести с расчетного счета ООО «Т.» денежные средства в размере ... рублей на пластиковую карту участника ООО «Т.» ФИО5 расчетный счет № и ... рублей на свою собственную пластиковую карту расчетный счет №. ФИО11, не подозревая о преступных намерениях П.О.А., перечислила согласно платежного поручения № 185 от 04 сентября 2008 г., с расчетного счета ООО «Т.» № в Смоленском ОСБ № на пластиковую карту П.О.А. расчетный счет № под отчет денежные средства в размере ... рублей и согласно платежного поручения № 184 от 04 сентября 2008 г., с расчетного счета ООО «Т.» № в Смоленском ОСБ № на пластиковую карту ФИО5 расчетный счет № денежные средства в размере ... рублей.

По данному делу судом был установлен порядок исследования доказательств, приведший к необходимости повторного вызова и допроса отдельных свидетелей. В частности, при повторном допросе в качестве свидетеля в судебном заседании бухгалтер ФИО11 пояснила (т. 2, л.д. 75–76), что в фирме ООО «Т.» также имелись договоры, которые официально через фирму не оформлялись [7]. Таким образом, некорректное установление порядка исследования доказательств затянуло судебное следствие, затруднило установление истины по указанному делу. Тогда как избежать подобного развития ситуации можно было посредством тщательно продуманного планирования судебного следствия с одновременным использованием метода ситуационного моделирования.

Как метод исследования ситуаций ситуационное моделирование включает в себя, во-первых, конструирование модели реальной ситуации и, во-вторых, проведение с данной моделью разного рода ментальных экспериментов: прогнозирования направлений развития модели и/или «проигрывания» на ней вариативных решений по управлению данной ситуацией с целью выбора оптимального решения. Т.е. судье при планировании судебного следствия нужно мысленно сконструировать модель реальной судебной ситуации, после чего отработать на ней потенциальные варианты ее развития. В связи с этим и плану судебного следствия надлежит быть поливариантным с учетом разных вариантов потенциального развития судебной ситуации. Прогнозирование судебных ситуаций позволяет избежать внезапных факторов во время судебного заседания, что способствует преодолению судебных ошибок.

Суду следует изучить дело до того, как принимать решение о назначении судебного заседания, поскольку могут возникнуть основания для возвращения уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ либо для прекращения производства по делу в целом или в части, например, вследствие истечения сроков давности. В ходе изучения дела можно составить памятный лист. Однако заполнять его следует не за несколько десятков минут до процесса, а по мере изучения дела. При значительном объеме обвинения, групповым либо многоэпизодным делам рекомендуется сделать копию обвинительного заключения и при выяснении объема обвинения, с коим согласился либо не согласился подсудимый (ые), расставлять пометки, соответственно, «+» либо «-», или иные [1, с. 478]

Изучив материалы дела, судье нужно предвидеть возможность заявления в ходе разбирательства конкретных ходатайств участников процесса, цель которых – восполнить неполноту проведенного предварительного расследования. В числе таких ходатайств и те, в удовлетворении коих органами предварительного расследования было отказано. Суд должен быть готов к их разрешению.

Использование метода моделирования не ограничивается этапом планирования судебного следствия. Оно возможно на всех этапах судопроизводства. В процессе судебного следствия моделирование способствует избеганию неполноты судебного следствия, являющейся отнюдь нередкой судебной ошибкой. Так, судья, по результатам рассмотрения уголовного дела, конструирует в собственном сознании мысленную информационную модель содеянного преступного деяния, которая должна снискать в описательной части приговора свое отображение.

При судебном рассмотрении дела весьма важно корректно определить пределы доказывания. Неоправданное расширение пределов доказывания понижает эффективность судопроизводства, затрудняет исследование доказательств. Необоснованное же сужение пределов доказывания ведет к одностороннему и поверхностному, неполному исследованию обстоятельств уголовного дела, связанному подчас с утратой доказательств, не поддающейся восполнению, в связи с чем объективная истина порой оказывается неустановленной.

Следовательно, допускаемые при определении пределов доказывания ошибки в одних случаях усложняют и затягивают процесс, в других – способны повлечь неправильное разрешение уголовного дела.

Таким образом, при конструировании модели криминальной ситуации необходимо одновременно определять и пределы доказывания.

Данная модель криминальной ситуации должна охватывать как минимум стержневые сведения о совершенном преступлении, которыми выступают обязательные объективные и субъективные признаки преступного деяния. В зависимости от состава, вменяемого в вину подсудимому, судьей могут выделяться и иные, факультативные признаки (компоненты) в указанной структуре.

В процессе судебного следствия судье нужно постараться заполнить выделенную структуру криминальной ситуации информацией, добытой по делу. Если в результате этого выявляются компоненты, информация о коих отсутствует, либо выявляются противоречия в информации, то это и является свидетельством невыполнения требования о полноте и всесторонности судебного следствия, и, следовательно, налицо судебная ошибка.

Так, по делу К.А.А. суд должным образом не проверил показания свидетеля М., не принял мер к истребованию и изучению соответствующих документов, отверг показания данного свидетеля только на том основании, что он не являлся стороной ни по одной из сделок, указав, что его показания являются предположением.

Без надлежащей проверки суд признал недостоверными представленные защитой документы – дополнительное соглашение к договору купли-продажи акций и договора переуступки права требования, сославшись на то, что источник возникновения договоров достоверно не установлен, а суду представлены не заверенные копии.

Президиум Московского городского суда, по существу признавая неполноту судебного следствия, в постановлении указал, что это обстоятельство не может служить основанием для отмены приговора, посчитав достаточной совокупность других доказательств, исследованных судом.

С таким выводом президиума Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ не согласилась, поскольку неполнота исследования фактических обстоятельств по данному делу повлияла на вывод суда о виновности К.А.А. в совершении мошенничества и легализации денежных средств, полученных в результате совершения преступления.

При таких данных Судебная коллегия сочла, что состоявшиеся по делу судебные решения подлежат отмене с направлением дела на новое рассмотрение [6].

Очевидно, что применение метода моделирования позволило бы суду не допустить этой ошибки, ибо, исключая по данному делу круг указанных фактических обстоятельств, суд обнаружил бы, что ячейка структуры преступного события, относящаяся к объективной стороне преступления, имеет лакуны, в связи с чем нужно собрать информацию, необходимую для заполнения лакун.

Применение метода моделирования возможно и на стадиях апелляционного, кассационного, надзорного рассмотрения дела. Моделирование способно существенно облегчить проверку дел в данных инстанциях. Так как в приговоре судом первой инстанции указана квалификация преступного деяния и виновному назначено наказание, у вышестоящего суда имеется возможность отчетливо определить структуру модели уже применительно к определенному составу преступления. Далее суд может проверить, есть ли в приговоре информация для заполнения всех ячеек модели, «вписывается» ли данная информация именно в «свои» ячейки [9, с.83]. И уже на базе полученных данных суд может сделать вывод об обоснованности приговора.

Список литературы

1. Актуальные проблемы деятельности судов общей юрисдикции Российской Федерации: учебник / Н.В. Азаренок, В.А. Байдуков, В.М. Бозров и др.; под ред. В.М. Бозрова. М.: Юстиция, 2017. 478 с.
2. Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2009. 420 с.
3. Волчечкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография. / под ред. Н.П. Яблокова. М.; Калининград: Калинингр. ун-т, 1997. 248 с.
4. Гриненко А.В. Методология уголовно-процессуальной науки // Государство и право. 2003. № 9. С. 54–60.
5. Криминалистика: учебник / О.В. Волохова, Н.Н. Егоров, М.В. Жижина и др.; под ред. Е.П. Ищенко. М.: Проспект, 2017. 504 с.

6. Надзорное определение Верховного Суда РФ от 20.09.2011 № 5-Д11-65 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Приговор Ленинского районного суда г. Смоленска от 27.01.2011 по делу № 1-14/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Топорков А.А. Криминалистика: учебник. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2012. 464 с.
9. Фалеев В.И. Уголовно-процессуальные аспекты выявления и устранения судебных ошибок: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2002. 171 с.

ПРАВА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Токарева О. Ю.

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Неотъемлемой составляющей правового государства является охрана и обеспечение прав и законных интересов лиц, участвующих на всех этапах предварительного следствия и в суде. Предварительное следствие является формой расследования, по окончании которой, следователь, оценив в совокупности все собранные доказательства по уголовному делу для составления обвинительного заключения, постановив вывод об окончании процесса доказывания по делу, принимает решение об окончании следственных действий, оформляя свое решение постановлением в соответствии с ч.1 ст.215 УПК РФ. При этом, у должностного лица должна быть твердая уверенность в том, что доказательства, собранные в ходе предварительного расследования, доказывают прежде всего событие преступления и виновность лица в его совершении [1, с. 21]. Выполнив систематизацию материалов уголовного дела, которая имеет важное значение в комплексе таких действий, поскольку предполагает соблюдение установленных правил и требований при расположении и группировании документов, находящихся в уголовном деле, следователь информирует участников уголовного процесса, указанных в ч. 2 ст. 215 УПК РФ о завершении этапа предварительного расследования. [5, с. 286]. Следователь должен выполнить требования ст. ст. 215-217 УПК РФ, поскольку прямой обязанностью должностного лица является разъяснение прав стороне защиты, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, и иным участникам уголовного судопроизводства.

Ознакомление участников с материалами уголовного дела на этапе окончания предварительного следствия, имеет важное значение, поскольку является средством реализации требований статьи 2 Конституции РФ. Ознакомление с материалами уголовного дела участников процесса должно осуществляться только в соответствии с нормами действующего УПК РФ.

Первыми к изучению материалов уголовного дела приступают представители потерпевшей стороны. В ч. 2 ст. 215 УПК РФ разъясняется право потерпевшего на ознакомление с материалами уголовного дела только в случае заявления соответствующего ходатайства. В случае, если в уголовном деле участвуют несколько потерпевших, то каждый из них имеет право знакомиться только с теми материалами уголовного дела, которые касаются причиненного ему вреда, а гражданский истец, гражданский ответчик, их представители и законные представители знакомятся с материалами уголовного дела исключительно в той части, которая относится к гражданскому иску [2, с. 121]. После ознакомления участников потерпевшей стороны с материалами уголовного дела, следователь предоставляет обвиняемому и его защитнику подшитые и пронумерованные материалы уголовного дела, за исключением случаев, предусмотренных ч. 9 ст. 166 УПК РФ, а именно: при необходимости обеспечения безопасности потерпевшего, его представителя, свидетеля, круга их близких родственников, следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, не указывать персональные данные участников стороны обвинения.

Важное значение имеет ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, поскольку позволяет последним оценить собранные по уголовному делу доказательства, которые впоследствии могут быть положены в основу постановления обвинительного приговора, заявить ходатайства о проведении дополнительных следственных действий, сформировать свою позицию и выстроить линию защиты для участия в судебном разбирательстве. Обвиняемый и его защитник знакомятся с материалами уголовного дела без дополнительного ходатайства и не ограничиваются во времени, которое требуется им для изучения дела по существу. Они имеют право выписывать любые сведения, снимать копии

с документов с целью построения линии защиты [3, с. 407]. Исключения составляют только случаи намеренного затягивания ознакомления обвиняемым и его защитником с материалами уголовного дела с целью затруднить своевременный доступ к правосудию. Обвиняемый и его адвокат вправе вторично обращаться к любому из томов уголовного дела, выписывать сведения в любом объеме, снимать копии с документов при помощи технических средств. Документы, содержащие сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, предоставляются обвиняемому и его защитнику во время разбирательства в суде. Однако, обвиняемый и его защитник лишены права знакомиться с материалами уголовного дела в части тех сведений, которые не подлежат разглашению. Должностное лицо вправе вынести постановление о сохранении в тайне данных о личности потерпевшего, свидетелей, родственников и близких лиц с целью обеспечения их безопасности (ч. 3 ст.11, ч. 9 ст. 166 УПК РФ). После того, как постановление подписано руководителем следственного органа, оно запечатывается в конверт, который хранится при уголовном деле. При этом соблюдаются требования ст. 217 УПК РФ.

В момент ознакомления с материалами уголовного дела, после консультации с защитником, обвиняемый вправе заявить ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке судопроизводства, в связи с согласием с предъявленным ему обвинением в полном объеме, но при этом должно иметь место одно из оснований, при наличии которых суд вправе принять решение в особом порядке, а именно: в п. 1 ст. 314 УПК РФ разъяснено, что обвиняемый вправе при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства по уголовным делам о преступлениях, наказание за которые, предусмотренное УК РФ не превышает 10 лет лишения свободы. Такое ходатайство может быть заявлено только после консультации и в присутствии защитника, в период, установленный в ст. 315 УПК РФ. Важное значение при этом имеет то, что обвиняемый понимает и осознает всю серьезность совершенного им противоправного деяния, признает вину в полном объеме, юридически оценивает характер своих действий, а также размер и характер вреда причиненного ущерба [4, с. 61]. Обязанностью следователя является разъяснение обвиняемому последствия заявленного им ходатайства, пределы обжалования постановленного приговора суда при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судопроизводства. (ч. 5. ст. 217 УПК РФ, ст. 317 УПК РФ).

Подводя итог, отметим, что несмотря, на закрепленный в УПК РФ принцип равенства сторон, права участников, заинтересованных в исходе дела не идентичны, поскольку не имеют равной объективной возможности по представлению своих законных интересов, ввиду того, что обвиняемый, во-первых наделен специальным правом на разъяснение следователем положений ст.217 УПК РФ, во-вторых, сторона защиты имеет право на ознакомление с материалами уголовного дела в полном объеме, в то время как сторона обвинения, в лице потерпевшего этого права лишена.

Список литературы

1. Алимамедов Э.Н. Задачи и сущность этапа окончания предварительного следствия с обвинительным заключением // Уголовное право и процесс. 2011. №10. С. 21–23.
2. Голова С.И. Гарантии обеспечения прав участников уголовного судопроизводства в ходе окончания предварительного следствия составлением обвинительного заключения: проблемные вопросы гарантии обеспечения прав // Закон и право. 2015. № 2. С.121–123.
3. Голова С.И. Ознакомление с материалами уголовного дела как гарантия защиты прав обвиняемого на этапе окончания предварительного следствия путем составления обвинительного заключения // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 406–409.
4. Корнакова С.В., Щербаков В.А. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: гарантии справедливости постановления приговора // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 4 (18). С. 58–65.
5. Усачев А.А., Бастрыкин А.И. Уголовный процесс: учебник для бакалавров. М., 2014. 286 с.

СЕКЦИЯ №8.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

**СЕКЦИЯ №9.
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР,
ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**СЕКЦИЯ №10.
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО,
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО**

УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСОВЫМИ РИСКАМИ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Гумерова Л.Ш., Газиева М.З.

Башкирский государственный университет, г. Уфа

Ст. 57 Конституции Российской Федерации закрепляет обязанность каждого платить законно установленные налоги и сборы [1]. Налогоплательщики имеют право использовать налоговые льготы – преимущества отдельных категорий налогоплательщиков и плательщиков сборов по сравнению с другими налогоплательщиками или плательщиками сборов, включая возможность не уплачивать налог или сбор либо уплачивать их в меньшем размере, - при наличии оснований и в порядке, установленном законодательством о налогах и сборах (пп. 3 п.1, п. 3 ст. 21, п. 1 ст. 56 Налогового кодекса Российской Федерации) [2]. При установлении региональных налогов законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации и местных налогов представительными органами муниципальных образований в рамках функциональной децентрализации публичного управления [3] могут устанавливаться налоговые льготы, основания и порядок их применения в соответствии с федеральным законом (п. 3 и 4 ст. 12 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ).

Публично-правовые образования заинтересованы в повышении собираемости налогов для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления. Вне сомнения и то, что при наличии юридических возможностей субъект хозяйствования уменьшает налоговую нагрузку, использует на законных основаниях льготы. Однако при этом есть вероятность неправильного истолкования законоположений, а в отдельных случаях и злоупотребление правом. Их последствия выражаются в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанности по уплате налога, сбора, страховых взносов, применении налоговых санкций.

Любой вид предпринимательской деятельности связан с экономическими рисками, в том числе с одной их разновидностью - финансовыми рисками (пп. 2 – 8, 10 п. 7, п. 12 ст. 105.5, НК РФ), т.е. с вероятностью неполучения ожидаемых доходов (прибыли, выручки), возникновения непредвиденных расходов и связанных с ними убытков и ущерба в связи с неопределенностью факторов, влияющих на ее финансово-экономические показатели. Соответственно, можно утверждать, что каждый налогоплательщик, плательщик сборов, плательщик страховых взносов находится в зоне «риска совершения действий (бездействия), направленных на уклонение от уплаты налогов (сборов)» (п. 3 ст. 142.2 НК РФ) и несет бремя налогового риска.

Понятие налоговых рисков и их классификация даны в письме ФНС России от 3 июня 2016 г. «Об оценке признаков риска СУР» [4]. В рамках проведения пилотного проекта по апробации программного обеспечения, реализующего функции задачи системы управления рисками при оценке налогоплательщиков - юридических лиц, представивших декларации по налогу на добавленную стоимость, плательщики распределяются на 3 группы налогового риска: высокий, средний, низкий.

Для указанной классификации принимаются во внимание в соответствии с п. 3 ст. 142.2 НК РФ такие критерии как реальное ведение экономической деятельности и полнота исполнения налоговых обязательств. Имеющиеся у налогового органа сведения о деятельности налогоплательщиков служат основанием для присвоения критериев налогового риска.

В вышеупомянутом Письме указывается, что налогоплательщиком с низким налоговым риском признается налогоплательщик, который ведет реальную финансово-хозяйственную деятельность, своевременно и в полном объеме исполняет свои налоговые обязательства перед бюджетом. Лицо данной

категории обладает соответствующими ресурсами (активами), а его деятельность может быть проверена плановым выездным налоговым контролем (п. 1). Под налогоплательщиком с высоким налоговым риском понимается налогоплательщик, обладающий признаками организации, используемой для получения необоснованной налоговой выгоды, в том числе третьими лицами. Налогоплательщик данной категории не обладает достаточными ресурсами (активами) для ведения соответствующей деятельности, не исполняет свои налоговые обязательства (исполняет в минимальном размере) (п.2). К среднему налоговому риску относятся налогоплательщики, которые не включены в группы с высоким или низким налоговым риском (п. 3).

Налоговый риск – составная часть финансовых рисков, которые нуждаются в управлении в целях согласования интересов обязанного лица и публично-правовых образований. В сфере налогообложения один из механизмов управления финансовыми рисками прямо предусматривается, например, в ст. 54.1 «Пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора, страховых взносов» НК РФ.

Порядок применения процедур в области управления рисками и методов, используемых для оценки риска, с тем, чтобы не превышать допустимый уровень минимизации налогоплательщиком налоговых обязательств, как правило, разъясняется в подзаконных актах. В них раскрываются цели правового регулирования, смысл законоположений, значение терминов, понятий и иного юридического инструментария. В частности, с учетом законодательных новелл взамен введенного постановлением Пленума ВАС РФ «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» термина «необоснованная налоговая выгода» [5] и сохраняемого в письме Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 16 августа 2017 г. № СА-4-7/16152@ «О применении норм Федерального закона от 18.07.2017 № 163-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» понятия «налоговая выгода» [6] начиная с письма ФНС России от 31 октября 2017 г. № ЕД-4-9/22123@) «О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации» преимущественное распространение в правоприменении получает определение «налоговая экономия» [7]. Так, согласно интерпретации налогового органа, законодательные нормы ст. 54.1 НК РФ направлены на установление и доказывание налоговыми органами фактов «необоснованного получения права на возмещение (возврат, зачет)» налогов, «на предотвращение использования «агрессивных» механизмов налоговой оптимизации»; ими определяются «конкретные действия налогоплательщика, которые признаются злоупотреблением правами, и условия, которые должны быть соблюдены налогоплательщиком для возможности учесть расходы и заявить налоговые вычеты по имевшим место сделкам (операциям)»; они сохраняют силу принципа «презумпции добросовестности налогоплательщика как один из важнейших элементов конституционно-правового режима регулирования налоговых отношений и публичного правопорядка в целом». Норма п.1 данной статьи «фактически определяет условия, препятствующие созданию налоговых схем, направленных на незаконное уменьшение налоговых обязательств, в том числе путем неучета объектов налогообложения, неправомерно заявляемых льгот и т.п.»; ее п. 2 «определяет еще одно обстоятельство, с которым связывает необходимость отказа в предоставлении налогоплательщику права на учет расходов при определении налогооблагаемой прибыли и заявления к вычету (зачету) сумм НДС» и его положения «не предусматривают для налогоплательщиков негативных последствий за неправомерные действия контрагентов второго, третьего и последующих звеньев».

Заметим, что при применении законоположений о признании уменьшения налогоплательщиком налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога правомерным либо неправомерным - по смыслу пунктов 2 и 3 названной статьи Кодекса во взаимосвязи с отсылочными нормами - не исключается приемлемый уровень налоговых рисков при том, что приоритет имеет пресечение налоговых правонарушений, предотвращение потерь бюджетов и устранение последствий нарушений в виде неуплаты налогов. Баланс прав и законных интересов налогоплательщиков и публичных интересов достигается посредством установления пределов осуществления прав на использование налоговых льгот и преференций, вытекающих из особенностей статуса налогоплательщика, видов осуществляемой им экономической деятельности, правовых мер поддержки и стимулирования видов деятельности, желательной для социально-экономического развития публично-правовых образований и обеспечения национальной безопасности.

В целях соблюдения закрепленного в п.1 ст. 54.1 НК РФ запрета на основе анализа содержания действий и операций, которые могут привести к искажению отраженных в налоговом и (или) бухгалтерском учете либо налоговой отчетности сведений, осуществляется качественная и количественная оценка риска

применяемых схем налоговой оптимизации и составление карты рисков. Объектом изучения выступает психическое и волевое отношение налогоплательщика к своим действиям и к их последствиям, поскольку в деликтном законодательстве этот признак имеет квалифицирующее значение для установления наличия или отсутствия состава правонарушения, а именно его субъективной стороны: вина выражается в форме умысла на совершение неправомерных действий с намерением причинить вред бюджету, наступившие реальные вредные последствия - в уменьшении налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога.

Характерными примерами «искажения», по мнению налоговых органов, являются создание схемы «дробления бизнеса», направленной на неправомерное применение специальных режимов налогообложения; совершение действий, направленных на искусственное создание условий по использованию пониженных налоговых ставок, налоговых льгот, освобождения от налогообложения; создание схемы, направленной на неправомерное применение норм международных соглашений об избежании двойного налогообложения; нереальность исполнения сделки (операции) сторонами (отсутствие факта ее совершения). К числу же способов искажения сведений об объектах налогообложения могут быть отнесены неотражение налогоплательщиком дохода (выручки) от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав), в том числе в связи с вовлечением в предпринимательскую деятельность подконтрольных лиц, а также отражение налогоплательщиком в регистрах бухгалтерского и налогового учета заведомо недостоверной информации об объектах налогообложения. Вместе с тем федеральный орган исполнительной власти придерживается позиции, согласно которой методологическая (правовая) ошибка сама по себе не может признаваться искажением.

В налоговом администрировании учитывается возможность влияния налогоплательщика на налоговые риски. Если такая возможность имеется, налоговые риски считаются внутренними, в ином случае – внешними. Как видно, выше перечислены внутренние риски. Следовательно, в случае получения налоговой выгоды юридическое значение приобретают такие обстоятельства, указанные в актах контролирующих органов, как возможность влияния самого налогоплательщика либо юридически или экономически зависимых участников сделок «на условия и результаты экономической деятельности, манипулирование условиями, сроками и порядком осуществления расчетов по сделкам (операциям)». При проведении мероприятий налогового контроля допускается анализ правоотношений проверяемого налогоплательщика также с формально независимыми с ним лицами при наличии признаков умышленности действий последнего, если их содержание может свидетельствовать «о согласованности действий участников хозяйственной деятельности, предопределенности движения денежных и товарных потоков, совершения ряда неслучайных действий (операций), подчиненных единой цели - возможности отражения заведомо ложных сведений о фактах хозяйственной жизни (совокупности таких фактов), об объектах налогообложения, подлежащих отражению в налоговом и (или) бухгалтерском учете либо налоговой отчетности налогоплательщика, создания искусственного документооборота и получения налоговой экономии» или позволяет выявить выгодоприобретателей, т.е. лиц, в чьих интересах оформлены имевшие место сделки (операции) для использования полученных преимуществ в налогообложении.

С позиций государственного риск-менеджмента предписания п. 2 ст. 54.1 Кодекса можно рассматривать как направленные на использование налогоплательщиком метода управления налогового риска, именуемого в экономической науке «отказом от риска» (или упразднением, локализацией, уклонением от риска). По действующему законодательству налогоплательщик вправе отказаться от использования льготы либо приостановить ее использование на один или несколько налоговых периодов, если иное не предусмотрено НК РФ (п.2 ст. 56). Таким образом, он по собственному усмотрению решает вопрос об использовании права на получение налоговых льгот или отказе от его осуществления и, следовательно, может полностью избежать в будущем предъявления налоговых претензий. Если же сделан альтернативный выбор в пользу налоговой оптимизации, то требуется соблюдение правил об условиях реализации предоставленного субъективного права. Они сформулированы в подпунктах 1 и 2 п.2 ст. 54.1 Кодекса и являются императивными. В соответствии с законом налогоплательщик вправе уменьшить налоговую базу и (или) сумму подлежащего уплате налога при соблюдении одновременно двух условий: основной целью совершения сделки (операции) не являются неуплата (неполная уплата) и (или) зачет (возврат) суммы налога; обязательство по сделке (операции) исполнено лицом, являющимся стороной договора, заключенного с налогоплательщиком, и (или) лицом, которому обязательство по исполнению сделки (операции) передано по договору или закону.

Основной целью сделки, указывает налоговый орган в своих рекомендациях, «должна быть конкретная разумная хозяйственная (деловая) цель, а не налоговая экономия. Примером такой сделки может

служить бизнес-решение, не свойственное предпринимательскому обороту (присоединение компании с накопленным убытком без актива при отсутствии экономического обоснования и т.п.) и которое не может быть обосновано с точки зрения предпринимательского риска, фактически совершенное не в своем интересе, а в интересах иного лица с целью его скрытого финансирования». Второе обязательное требование считается нарушенным, если «сделка (операция) не исполнена заявленным контрагентом», т.е. лицом, «указанным в первичных документах», и «налогоплательщик использовал формальный документооборот в целях неправомерного учета расходов и заявления налоговых вычетов по спорной сделке (операции)». При этом не является нарушением налогового закона осуществленное налогоплательщиком (заказчиком) право учесть расходы при определении налоговой базы по налогу на прибыль организаций и принять к вычету налог на добавленную стоимость, предъявленный подрядчиком, в соответствии с правилами главы 25 или 21 части второй Налогового кодекса, если обязательства по договору подряда исполнены непосредственно исполнителем (подрядчиком) «либо иным исполнителем (субподрядчиком), которому передано на исполнение указанное обязательство по закону или в рамках договора с подрядчиком» (Письмо Минфина России от 20 октября 2017 г. № 03-03-06/1/68944) [8].

Эффективность управления налоговыми рисками повышается в случае обращения к практике пресечения налоговых правонарушений уполномоченными органами по результатам налогового мониторинга. Опыт их работы систематически обобщается и доводится до сведения нижестоящих звеньев, происходит взаимный обмен сложившейся практики между налоговыми и правоохранительными органами. Например, в Методических рекомендациях «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)», данных в письме ФНС России от 13 октября 2017 г. № ЕД-4-2/13650@ [9], определены квалифицирующие признаки умышленных виновных деяний, преследуемых в судебном и административном порядке, приведены примеры противоправных либо имитационных, фиктивных действий субъектов налоговых правоотношений и проблемных лиц (подставных лиц, фирм - «однодневок»).

Существенное значение для управления рисками имеют Концепция системы планирования выездных налоговых проверок, общедоступные Критерии самостоятельной оценки рисков для налогоплательщиков, используемые налоговыми органами в процессе отбора объектов для проведения выездных налоговых проверок. Эти нормативные правовые акты приняты в целях предупреждения нарушений или неправильного применения налоговых законов и утверждены Приказом ФНС России 30 мая 2007 г. [10].

Концепция предусматривает критерии риска совершения налоговых правонарушений. Руководствуясь им, налогоплательщики могут «использовать свое право на самостоятельную оценку рисков и оценить преимущество самостоятельного выявления и исправления допущенных ошибок при исчислении налогов». Систематическое проведение самостоятельной оценки рисков по результатам своей финансово-хозяйственной деятельности, отмечается в ней, «позволит налогоплательщику своевременно оценить налоговые риски и уточнить свои налоговые обязательства».

Обеспечение доступа к информации о способах ведения финансово-хозяйственной деятельности с высоким налоговым риском на официальном Интернет-сайте ФНС России (Приложение № 5 к Приказу ФНС России от 30.05.2007 N ММ-3-06/333@) – это, с одной стороны, проявление принципа прозрачности в деятельности органов исполнительной власти. С другой стороны, ее обнародование является средством информированного принятия налогоплательщиком управленческих решений, связанных с вопросом о том, какой объем финансового риска принять для достижения целей бизнеса (иначе говоря, определить параметры риск-аппетита). Это требует выявления рисков факторов, прогнозирования развития событий, разработки шкалы рисков вероятности наступления неблагоприятных последствий начиная от низкой (минимальной) до критической (катастрофической) на случай повышения степени риска до высокой. При этом исходя из величины ожидаемых потерь необходимо определить как уровень толерантности к риску, так и его действительную стоимость, под которой понимаются «фактические убытки предпринимателя, затраты на снижение величины убытков или затраты по возмещению убытков и их последствий» [11, с. 55].

По результатам идентификации рисков налогоплательщики могут избрать методы их смягчения. Эти способы предлагаются в общедоступных Критериях самостоятельной оценки рисков. Например, в целях применения п. 12 Критериев налоговые органы рекомендуют следующие средства противодействия финансовым рискам: 1) снижение (исключение) высоких налоговых рисков, а именно, отказ от перечисленных способов ведения финансово-хозяйственной деятельности с возможностью извлечения необоснованной налоговой выгоды, выход из вероятных «зон риска» совершения налоговых правонарушений и ухода от уплаты налогов, пересмотр характера взаимоотношений с контрагентами по

сделкам и операциям и проверка соблюдения ими правил легализации своей деятельности, в особенности отношений с фирмами - «однодневками»; 2) предотвращение ущерба, в частности посредством исключения сомнительных операций при расчете налоговых обязательств; 3) принятие (удержание) риска с постепенным его распределением между собственными источниками финансирования рисков, включая заимствование методов управления рисками, характерных для деятельности предпринимателей с низким или средним налоговым риском по показателям, установленным в пунктах 1 – 11 указанного акта.

Таким образом, налоговая дисциплина является одним из условий эффективного функционирования налоговой системы и экономики государства. Ее состояние обеспечивается качественным налоговым администрированием, а также надлежащим управлением финансовыми рисками. Закон требует от предпринимателей осуществления реальной финансово-хозяйственной деятельности с исполнением обязательств по сделкам (операциям) реальными контрагентами. Функционирующие в «теневом» секторе экономики хозяйствующие субъекты обязаны предвидеть неблагоприятные последствия действий по минимизации налоговых обязательств, приводящих к противоправному результату и фиктивному, преднамеренному банкротству. В этой области правоприменительной практики можно констатировать неизменность сохранения выработанных принципов контроля налоговых последствий гражданско-правовых сделок и договоров, таких как «приоритет существа сделки над формой», «проверка сделки по шагам», «наличие деловой цели сделки», и их правовое опосредование в федеральных законах, издаваемых финансовыми и налоговыми органами нормативных правовых актах и актах разъяснения законодательства, не обладающих нормативными свойствами.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 28 декабря 2017 г. №436-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31, ст. 3824.
3. Гумерова Л.Ш., Мамлеев А.А. Децентрализация государственного управления в региональном правовом регулировании // Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения : Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции, г. Омск 11 мая 2017. – Омск, ИЦРОН, 2017. Вып. № 4. С. 102 - 108; Гумерова Л.Ш., Мамлеев А.А. Функциональная интеграция муниципального управления в систему государственного управления // Государственное и муниципальное управление: теория и практика : Сборник статей Международной научно-практической конференции, г. Уфа 13 марта 2017 . Уфа: АЭТЕРНА, 2017. С. 81- 86.
4. Письмо Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 3 июня 2016 г. № ЕД-4-15/9933@ «Об оценке признаков риска СУР». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.
6. Письмо Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 16 августа 2017 г. № СА-4-7/16152@ «О применении норм Федерального закона от 18.07.2017 № 163-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Письмо Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 31 октября 2017 г. № ЕД-4-9/22123@) «О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Приказ Федеральной налоговой службы Российской Федерации от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@ (с посл. изм. и доп. от 10 мая 2012 г. № ММВ-7-2/297@. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Яшина Н. М. Риск-менеджмент: теория и практика: учебно-методическое пособие для бакалавров направления подготовки: «Экономика» специализации: «Финансы». Энгельс: Издательство «Саратовский источник», 2016.

СЕКЦИЯ №11.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВИЛА ЭСТОППЕЛЬ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Скрябина М.В.

канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Юридического института ФГАОУ ВО «СКФУ», г. Ставрополь, РФ

В статье исследуется вопрос о применении арбитражными судами правила эстоппель при рассмотрении и разрешении гражданских споров, а также проводится анализ сложившейся судебной практики.

Ключевые слова: арбитражный процесс, процессуальные правоотношения, эстоппель, лишение права возражения.

The article examines the question of the application by arbitration courts of estoppel rule when considering and resolving civil disputes, and also analyzes the existing judicial practice.

Key words: arbitration process, procedural legal relations, estoppel, deprivation of the right of objection

Добросовестность участников гражданских правоотношений, надлежащее исполнение сторонами принятых на себя обязательств – основы стабильности гражданского оборота в России.

Вместе с тем, реалии сегодняшнего дня показывают, что далеко не всегда стороны гражданского оборота ведут себя добросовестно. Во многом это, и ряд других обстоятельств, послужило основанием для введения в российское законодательства принципа эстоппель (от англ. estoppel – лишать права возражения). Данный правовой принцип означает – лишение стороны права ссылаться на какие-либо факты, оспаривать или отрицать их ввиду ранее ею же сделанного заявления об обратном в ущерб противоположной стороне в процессе судебного разбирательства [1, с. 2]. Другими словами это запрет на извлечение преимущества из своего недобросовестного поведения.

Правило эстоппель закреплено в настоящее время в части 5 статьи 166 и части 3 статьи 432 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) [2]. В частности, указанные нормы определяют условия, при которых может быть применено правило эстоппель. Так, лицо (контрагент) лишается права заявлять о недействительности сделки, если его поведение после заключения сделки давало основание полагаться на действительность сделки (ст. 166 ГК РФ). Сторона лишается права признания договора незаключенным, если она приняла от другой стороны полное или частичное исполнение по договору (ст. 432 ГК РФ).

Несмотря на то, что данный принцип закреплен в материальном праве, исторически первым его применение было в процессуальном праве. В частности, Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее - ВАС РФ) еще в 2011 году в Постановлении Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 № 13903/10 по делу № А60-62482/2009-С7 указал, что заключение участниками арбитражного процесса мирового соглашения влечет за собой потерю права сторон на выдвижение новых требований [3].

В последующем данная позиция ВАС РФ была воспринята Верховным судом Российской Федерации (далее - ВС РФ), который также применил правило эстоппель к ситуации, когда ответчик заявил о том, что он является ненадлежащим ответчиком по делу только в суде кассационной инстанции, что по мнению ВС РФ является недобросовестным процессуальным поведением [4].

Относительно недавно ВС РФ в Определении от 25.07.2017 по делу № 18-КГ17-68 применил правило эстоппель к ситуации, когда сторона спора изменила свою правовую позицию на стадии пересмотра судебного акта в кассационном порядке [5]. Таким образом, ВС РФ фактически установил запрет противоречивого поведения участников гражданского (арбитражного) процесса.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что правило эстоппель в процессуальном смысле означает, что сторона арбитражного процесса не может оспаривать обстоятельства, которые ранее признавала.

Представляется, что с одной стороны, запрет противоречивого процессуального поведения стимулирует стороны к добросовестному поведению, защищает интересы добросовестной стороны (контрагента) является гарантией справедливого разрешения спора, с другой стороны, при отсутствии четких критериев добросовестности (недобросовестности) носит оценочный характер и может применяться по инициативе суда без ходатайства стороны спора [6].

Кроме того, эстоппель применяется и в случае, когда ответчик ссылается на несоблюдение истцом досудебного порядка урегулирования спора после того, когда дело уже рассмотрел суд первой инстанции [7].

Указанные примеры из судебной практики свидетельствуют о том, что правило эстоппель широко применяется в арбитражном процессе, и в целом является инструментом воздействия на недобросовестных участников арбитражного процесса. Вместе с тем обоснованность его применения не всегда видится бесспорной, например, в случае, когда сторона не заявляла о том, что она является ненадлежащим ответчиком в силу того, что ей была оказана некачественная юридическая помощь или по той же причине меняет свою правовую позицию по делу т.д.

Закончить хотелось бы вопросом к дискуссии, что же такое правило эстоппель – средство защиты добросовестной стороны или один из механизмов применения судебного усмотрения?

Список литературы

1. Седова Ж.И., Зайцева Н.В. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. – М.: Статут, 2014. – 159 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон: [от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017)] // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Постановление Президиума ВАС РФ: [от 22.03.2011 № 13903/10 по делу № А60-62482/2009-С7] // Вестник ВАС РФ. – № 7, 2011.
4. Определение Верховного Суда РФ: Определение Верховного Суда Российской Федерации: [от 09.10.2014 по делу N 303-ЭС14-31, А51-1943/2011] // [https:// www.vsrfr.ru /](https://www.vsrfr.ru/) (дата обращения: 18.01.2018).
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации: Определение Верховного Суда Российской Федерации: [от 25.07.2017 по делу № 18-КГ17-68] // [https:// www.vsrfr.ru /](https://www.vsrfr.ru/) (дата обращения: 18.01.2018).
6. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации: [от 23.06.2015 № 25]. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.
7. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда: [от 27.02.2017 № 18АП-16691/2016 по делу № А76-16291/2016] // [https:// www.vsrfr.ru /](https://www.vsrfr.ru/) (дата обращения: 18.01.2018).

© М.В. Скрыбина, 2018

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2018 ГОД

Январь 2018г.

V Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях**», г. Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2018г.

Февраль 2018г.

V Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом**», г. Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2018г.

Март 2018г.

V Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы юриспруденции**», г. Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2018г.

Апрель 2018г.

V Международная научно-практическая конференция «**Теория и практика современной юридической науки**», г. Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2018г.

Май 2018г.

V Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения**», г. Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2018г.

Июнь 2018г.

V Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях**», г. Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2018г.

Июль 2018г.

V Международная научно-практическая конференция «**О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции**», г. Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2018г.

Август 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«Теоретические и практические аспекты развития юридической науки»**, г. Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2018г.

Сентябрь 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития»**, г. Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2018г.

Октябрь 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции»**, г. Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2018г.

Ноябрь 2018г.

V Международная научно-практическая конференция **«Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы»**, г. Красноярск

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2018г.

Декабрь 2018г.

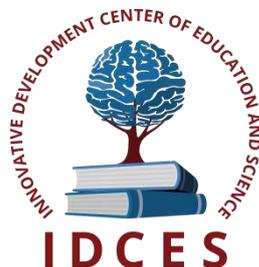
V Международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции»**, г. Воронеж

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2018г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2019г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Юриспруденция»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Актуальные проблемы юриспруденции
в России и за рубежом**

Выпуск V

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 февраля 2018 г.)**

г. Новосибирск

2018 г.

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Издатель Инновационный центр развития образования и науки (ИЦРОН),
603086, г. Нижний Новгород, ул. Мурашкинская, д. 7.

Подписано в печать 10.02.2018.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,6.
Тираж 250 экз. Заказ № 021.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58.